

**И
Л**

Библиотека
журнала
«Иностранная
литература»

Яхья Яхлюф

Наджран

в час

ИСПЫТАНИЙ

四

يحيى يظف

Библиотека
журнала
«Иностранная
литература»

Яхья Яхлюф

Наджран в час испытаний

Роман

Рассказы

Перевод с арабского

Составление В. Шагала

Предисловие Игоря Беляева

Москва
«Известия»
1983

И (Пал)
Я90

Главный редактор Н. Т. Федоренко

Яхлюф Я.
Я90 **Наджран в час испытаний / Пер. с арабск. Сост. В. Шагаля. Предисл. Игоря Беляева.— М.: Известия, 1983. 112 с. (Библиотека журнала «Иностранная литература»)**

«Наджран в час испытаний» — первый роман известного палестинского писателя Яхьи Яхлюфа. Действие его происходит в 1963—1967 годах в Саудовской Аравии, в глухом городке недалеко от границы с Йеменом. После свержения имама в Йемене вспыхнула война между республиканцами и бандами свергнутого правителя. Читатель становится свидетелем начинающегося распада старого общества и формирования новых людей, борющихся за переустройство жизни.

Рассказы Я. Яхлюфа повествуют о героизме борцов палестинского сопротивления.

Я $\frac{4703000000-042}{074(02)-83}$ 731-83

ББК 84.4Па
И(Пал)

© يحيى يخلف

© Составление, предисловие, перевод на русский язык издательство «Известия», журнал «Иностранная литература», 1983.

Открытие Аравии

Перед вами, читатель, роман несколько неожиданного для нас свойства. Его можно назвать ключом к Аравии. Конечно, и Йемен, который называли «счастливой» Аравией, и Саудовская Аравия известны нам, и довольно неплохо, как объекты «большой политики» — ведь слишком многое в современном мире связано с ближневосточной нефтью и занимающим важнейшее стратегическое положение Аравийским полуостровом. Но все-таки...

Все-таки мы еще мало знаем о том, как там, в Йемене или Саудовской Аравии, живут люди. Какие они? Что у них с нами общего?

Да простит меня читатель, но хочу поделиться с ним одной мыслью. Еще в 50-х годах СССР установил связи с Ближним Востоком, куда Россию, а после Великого Октября — Советский Союз, Англия и Франция старались не допускать более двух столетий. Президент Египта Гамаль Абдель Насер обратился в 1955 году к социалистическим странам с просьбой помочь ему в укреплении египетской армии, противостоявшей военной мощи агрессивного Израиля. С тех пор в регионе кое-что существенно изменилось. Многие из арабских стран узнали первое в мире социалистическое государство. Советский Союз стал их партнером по решению проблем развития. Асуанская плотина стала символом прогресса Египта. Повторяю, вот уже почти тридцать лет мы знаем (или нам кажется, что знаем) арабов как политических партнеров. Но только начинаем открывать для себя их духовную, человеческую сущность.

В октябре 1962 года я впервые попал в Йемен. Несколькими неделями раньше в Сане под ударами патриотически настроенных армейских частей рухнул королевский режим. Символом революции стал пролом в городской стене — след, оставленный танком одной из восставших частей. Пролом этот как бы открыл миру Йемен. Не будь революции, возможно, страна эта так и оставалась бы «закрытым царством».

В Сане я часто гулял по городским улицам. Вокруг застыло средневековье. Не страна, а какой-то удивительный исторический заповедник. То, о чем приходилось слышать в Московском институте востоковедения, как бы ожило. Подходи, осматривай, даже ощупывай руками, убеждайся: все, о чем рассказывали как о давно ушедшем, — живо! И захватывающе любопытно, интересно! Время мчалось где-то

за границами Йемена, но оно уже властно вторгалось в жизнь йеменцев. Разве не об этом свидетельствовала свершенная йеменской армией революция! Как заметил египетский солдат, помогавший защищать едва родившуюся республику, «ее народ не спешил освободиться».

Тогда мне показалось, что солдат иронизирует. Но он довольно точно подметил то, что для глаз иностранцев, впервые попавших в Йемен, было незаметно. Борьба за утверждение нового заняла многие годы. Теперь республика победила. Но какой жестокой и долгой была борьба! И базой ее был тот самый Наджран, название которого вынесено Яхьей Яхлюфом в название романа.

Против республиканского строя в соседнем Йемене выступила Саудовская Аравия. Прежде всего потому, что видела в том новом, что ворвалось в жизнь йеменцев, прямую угрозу для себя. Укрепившись в Наджране и опираясь на поддержку саудовцев, сторонники свергнутого имама (короля) Бадра пытались остановить время. Республика утверждала себя ценой больших жертв в противостоянии не только Саудовской Аравии, но и Соединенным Штатам.

Какое дело Вашингтону до того, что происходит в Йемене?—спросите вы. Американцы, как и саудовцы, считали, что появление республики на южной окраине Аравийского полуострова — самая непосредственная угроза их интересам, в основе которых лежит нефть, добываемая в районе Персидского залива. В той же Саудовской Аравии прежде всего. Вот почему среди героев романа Яхьи Яхлюфа весьма колоритен некий Мистер — это персонаж-символ, демонстрирующий, какие страшные средства и методы используют в арабских странах далеко не «тихие» американцы.

Нет смысла пересказывать в предисловии содержание романа. Хочется, чтобы читатель прочел его от начала до конца без каких-то предубеждений против того или иного героя. Тем более что события, о которых идет речь, действительно имели место. В 1966 году в Каире много говорили о Наджране. Сразу после того, как этот саудовский город подвергся бомбардировкам египетской авиации как база йеменской контрреволюции. А на страницах американской печати мелькали заголовки, суть которых сводилась к вопросу — не начнется ли еще одна война на Ближнем Востоке.

Сейчас страсти, разгоревшиеся вокруг Наджрана в 1966 году, кажутся намеренно преувеличенными. Но тогда все обстояло несколько иначе. Отношения Йемена (ЙАР) с Саудовской Аравией стали столь напряженными, что поговаривали: дело идет к взрыву. Наверное, ему помешала июньская война 1967 года, после которой Египет покинул йеменский театр военных действий. Король Саудовской Аравии Фей-

сал, казалось, победил. Но все-таки республика в Йемене (ЙАР) утвердила себя. Она существует и развивается по сей день. И каждому, кто хочет заглянуть в ее историю, не просто любопытно, а весьма поучительно прочесть роман Яхьи Яхлюфа. Для нас это блестящая возможность представить себе картину происходившего. И не в общих чертах, а и в частности, связанных с конкретными характерами и той спецификой, которая остается реальной поныне. Не узнав ее, мы рискуем так и не понять многого, происходящего на Ближнем Востоке.

И еще об одном хочется сказать. Палестинские арабы, оторванные от своей родины, внимательно всматриваются в жизнь тех стран, куда забрасывает их судьба. Разумеется, через призму своего восприятия. И мерки у них тоже свои. На некоторые надо делать скидки. Палестинцы — гости в любой стране, кроме Палестины. Но не посторонние! И в этом суть!

Яхья Яхлюф не только показал борьбу за утверждение Йеменской республики. Правдиво и образно он донес до нас жизнь обитателей Наджрана, что находится на южной окраине Саудовской Аравии. И мы чувствуем вкус этой жизни, хотя на русском языке и не легко передать некоторые нюансы и реалии.

В заключение хочется отметить еще одну особенность романа Яхлюфа. Это — убежденность автора в том, что утверждение Йеменской республики — лишь начало социальных и политических антиимпериалистических бурь во всем арабском мире. Обратите внимание на все, что связано с судьбой Мушана. Вырвавшись из пут Мистера, Абу Шеннан находит своего друга, и в его памяти оживают события, происходившие на нефтепромыслах. Профсоюз, рабочие, забастовки и многое другое, что созвучно происходящему сейчас на Ближнем Востоке...

По-другому написаны рассказы Яхлюфа, вошедшие в эту книгу. Предельно прост и даже нарочито однозначен рассказ-притча «Как погиб продавец жасмина», где мы находим извечный мотив бесчеловечности богатства и обреченности честности и добра в мире несправедливости и алчности. В «Первом бое» и «Революционной песне» перед нами предстают палестинцы, но уже в ином, отличном от персонажей романа качестве. Это — бойцы, с оружием в руках сражающиеся против израильских захватчиков и не щадящие жизни во имя победы над врагом, во имя торжества своего правого дела.

Убежден, прочтя роман «Наджран в час испытаний» и рассказы Яхьи Яхлюфа, читатель будет знать об арабах больше, чем знал. Так он начнет или продолжит (для каждого по-своему) открытие Аравии.

Игорь Беляев

Наджран в час испытаний

1

Площадь полна народа. Тут и сторонники имама, и его воины, ученики медресе, члены Общества охраны веры и нравственности, эмирские стражники. Снуют зеленщики, торговцы сладким картофелем. Вот несколько белых наемников Бу Талеба, кучка ремесленников, зейдит*. Подъезжают на машинах, идут пешком. Пришли аль-Гамиди, старейшина купцов, и Самийа, прежде рабыня ас-Садири, теперь торговка реди-сом. На санитарной машине прикатил Ахмед Шахи, врач из Пакистана. В окошко выглядывает Галийа, дочь ас-Самири, начальника войск имама. Из кафе аль-Хисри вышел Абу Шеннан. Его совсем недавно освободили из тюрьмы, где он сидел за несоблюдение поста в рамадан.

Начальник отдела просвещения позвонил в школу, и скоро оттуда по улице аз-Зуйуд потянулись к площади ученики. Школьники, городские мальчишки скачут через мешки с мускусом, перцем, кардамоном, магалежкой, хной (по понедельникам на этой площади — большой базар)...

Вдруг на мгновение наступает тишина. Вмиг замолкают все дома Наджрана, улочки его и переулки. Молчание заполнило дверные проемы и щели в окнах. Умолкли люди на площади и те, кто занял места на крышах домов, похожих на старинные крепости.

Абу Шеннан, держа во рту зубочистку на манер сигареты, сказал:

— Горе мне! Сегодня они убьют аль-Йами...

* Мусульманское население Йемена делится на различные религиозные секты, одна из них — шиитская секта зейдитов. (Здесь и далее прим. перев.)

Рядом тупо жевал кат* зейдит.

Темнокожая Самийа запричитала:

— Да спасет тебя Аллах, аль-Йами. Да избавит он тебя от страданий.

— Молись, несчастный! Молись!— сказал один из стражников.

Площадь кишела народом... Зловещее ожидание нависло над ней.

Абу Шеннан вынул изо рта зубочистку и вспомнил, как боль однажды разрывала его внутренности, когда он выпил вместо вина флакон одеколона.

«Но сейчас боль сильнее той прежней и острее, чем если б меня кололи кинжалами»,— подумал он.

Самийа ухватила стражника за плечо и гневно крикнула:

— Что сделал аль-Йами?! Ну что такого он сделал?!

Стражник стряхнул ее руку и ответил, глядя в сторону:

— Аль-Йами разрушитель... Он связался с республиканцами...

Аль-Гамиди рассеянно потрогал бороду тыльной стороной ладони и сказал, как бы самому себе:

— Он заслужил этого, как каждый, кто выходит из повиновения властям.

Один из шейхов, встав со стула, усадил на него врача Ахмеда Шахи. Тот стоял хмурый и недовольный, держа в руке чемоданчик и всем своим видом давая понять, мол, ему нет дела до всего, что здесь происходит.

Зейдит по-прежнему невозмутимо жевал кат, перебирая пальцами золотые риалы в кармане огромной галабеи**, в которой он прятал свое тщедушное тело, и с вожделением думал об Исфагани... Вот она припадает к его груди, и он жадно наслаждается ею, точно пьет из бутылки охлажденное виски в лагере Абу Иршаш...

Служанка Ребаб только что вернулась из городка Саида, где правит ас-Самири.

* Кат — наркотическое растение.

** Галабея — длинная белая рубаха с длинными рукавами из хлопчатобумажного полотна.

— Закрой ставень, Галийя,— запричитала она.— Того гляди, придет ас-Самири, и тогда не жди хорошего...

Подвыпив, Абу Шеннан как-то сказал:

— У Галийи, дочери ас-Самири, глаза — как у газели, вскормившей святого Бну Зи Йазина.

А на другой день он предложил Ребабе двадцать риалов, лишь бы она передала его слова госпоже. Галийя рассмеялась:

— Чего можно ждать от юноши, когда он в таком состоянии, что не отличает дня от ночи!

— Закрой ставень, Галийя. Сейчас же! О, горе мне! Мистер смотрит на тебя в бинокль... Закрой ставень, о дочь блюстителя нравов! (Стивен Хайден — Мистер, как его называют в Наджране, стоит на капоте своей машины, снимая кинокамерой происходящее вокруг.)

Ребаб закрыла ставень и спокойно сказала:

— Скоро убьют аль-Йами, и зло будет наказано.

Самийя увидела Хайдена и закричала хриплым голосом:

— Что ты делаешь?! Эй, христианин!

Стражник поднял свою бамбуковую палку прямо к ее лицу и пригрозил:

— Замолчи, раба греха! Он получил разрешение на съемку от самого эмира, да продлит Аллах его дни!

Абу Шеннан задвинул зубочистку в угол рта и с вызовом вскричал:

— Шейх говорит, что снимать — грех! Как же эмир разрешает такое?

Стражник обернулся к Абу Шеннану и замахнулся своей палкой:

— Что ты болтаешь, неверный! Клянусь Аллахом, если бы не казнь аль-Йами, повалил бы тебя и всыпал сто палок!

Аль-Гамиди пробормотал себе под нос:

— Когда все это кончится, пример аль-Йами будет хорошим уроком для других.

А зейдит перебирал золотые риалы в кармане и радовался. Образ женщины проникал в самые далекие уголки его мозга, одурманенного катом и тяжелой дремотой.

— О люди!— вскричала Самийа, обращаясь к стоящим вокруг.— Я знаю аль-Йами. Он вскормлен моей грудью после того, как скорпион укусил его мать. Они жили вместе с нами в аль-Ухдуде. Аль-Йами — жертва несправедливости!

Вдруг все сидевшие встали. Все пришло в движение. Люди полезли на плечи друг другу. Аль-Гамиди вытянул шею. Галийа раскрыла окно, не обращая внимания на камеру Мистера. Зейдит будто разом отрезвел. Абу Шеннан почувствовал острую потребность выпить глоток даже самого поганого зелья. У Самийи оборвалось сердце.

Подъехал и остановился большой красный пикап. Его окружили солдаты. Двое встали у задней дверцы.

Все затихли опять и затаили дыхание. Задняя дверца открылась. Показался аль-Йами, лицо словно высечено из камня, твердый взгляд, на шее — железный обруч с цепями, прикованными к стальным браслетам на запястьях и на ногах... Над площадью нависло злое, тяжелое, как мельничный жернов, молчание.

Мистер все держал камеру у глаз...

Двое солдат вышли вперед и взяли аль-Йами под локти. Тот рванулся, и звенья цепи ударились друг о друга. Солдаты грубо выволокли его из машины. Ступни ног волочились по земле, которая, казалось, исходила жаром. Глаза Самийи расширились от ужаса, и она лишилась речи.

Все смешалось в голове зейдита: белое — с черным, пыль — с приказами Бу Талеба, кинжал имама — с сандалиями юноши. Мир точно перевернулся.

Солдаты подталкивали аль-Йами в спину, и он медленно шел, с трудом переступая ногами и звенья цепями. Посреди площади он глубоко перевел дыхание, повернулся и обвел взглядом лица молчавших, охваченных разными чувствами людей. Абу Шеннан плакал и вспоминал Антару, который со стрелой в боку опирался на копье, а враги-захватчики отступали перед его величием и непреклонностью.

«Да,— говорил себе Абу Шеннан,— юноша этот, аль-Йами, умрет, но себя не уронит».

Вперед выступил личный представитель эмира с сопровождавшим его шейхом. За ними следовал судебный писарь. Вначале что-то сказал эмирский посланец, потом — шейх. Писарь развернул длинную бумагу и начал с трудом, медленно читать.

— Скоро ему отрубят голову, — сказала Галийя ас-Самири. Ребаб закрыла ставень:

— Не смотри, а то у тебя будет припадок.

Галийя ас-Самири замолкла и припала ухом к окну. Ребаб побежала в глубь комнаты и поставила на проигрыватель пластинку с песней Таляла Маддаха «О Сарийа, скажи мне, что случилось...».

Врач Ахмед Шахи, не открывая чемоданчика, смотрел на аль-Йами, потом кивнул представителю эмира, как бы говоря, что все идет как надо.

Мистер сменил кассету и снова навел камеру, переступая ногами, под которыми скрипел капот его машины...

«Клянусь Аллахом, Абу Шеннан, ты готов отдать свою жизнь за аль-Йами, но что ты можешь сделать?!»

А кат дурманит мозги, и вновь голова и тело словно чужие, все смешивается: вопли — со скрежетом точильного камня, крик Бу Талеба — со слюной красавицы Исфагани, блюдо сладкого картофеля — с горькой похлебкой...

Появляется великан. Откуда и когда — никто не заметил. Он просто возник посередине площади. На нем легкие шаровары. Мускулистая грудь обнажена.

Сердце Самийи снова упало: это палач! Из глаз потоком хлынули слезы.

К аль-Йами подошел стражник, завязал ему глаза. Другой стал снимать обруч с шеи. Аль-Йами не терял самообладания. Только лицо его побледнело. По знаку представителя эмира вперед вышел человек, сгибаясь под тяжестью длинного широкого меча. Великан принял меч обеими руками, вытащил из ножен, и клинок заиграл и засверкал на солнце.

«Как же распалится этот палач при виде крови! И может, многие еще станут его жертвой! — подумал аль-Гамиди. — К чему, спрашивается, такая жизнь?»

Великан обхватил рукоятку двумя руками и прикинул, не тяжел ли меч, затем поднял его вверх и стал рубить воздух направо и налево, как бы сражаясь с невидимым врагом. Люди замерли, затаив дыхание. Аль-Йами сжался в комок, как птица, запутавшаяся в проводах.

Пластинка кончилась.

— Странно. Что означает это молчание?— спросила Галия, глядя сквозь щель в ставне.

Ребаб подошла и чуть-чуть приоткрыла его:

— Палач ждет знака. Сейчас он отрубит голову аль-Йами. Дочь ас-Самири снова поставила пластинку «О Сарийа!...».

Абу Шеннан совсем протрезвел. Глаза его полезли на лоб. Стоящих вокруг людей охватил ужас.

Представитель эмира подал знак... Кат стал горьким-горьким, точно листья колоквинта, и зейдиту почудилось, будто голова его оторвалась и плывет куда-то... А пластинка все вертится... Абу Шеннан нервно перекидывает зубочистку во рту...

Великан взмахнул мечом, высоко подняв его над головой. Люди зарыдали. Аль-Йами сжался от ужаса, словно птица, мертвой хваткой вцепившаяся в провода, пытаясь устоять против сильных порывов ветра...

Меч опустил. И все смешалось. Темное — с красным. Холодное — с горячим. Полилась кровь. Но голова не покатила... Представитель эмира в ужасе закрыл глаза. Ужас отразился и на лице Ахмеда Шахи.

Клинок меча ударил по плечу. Аль-Йами закричал от страшной боли, раскалывающей череп... Резко дернулся — и тотчас грохнулся наземь, стянутый по рукам и ногам цепями и оковами, трепеща как птица, испускающая дух. Палач взревел от ярости.

Стражники плотнее сжали кольцо вокруг места казни, не давая толпе прорваться... Абу Шеннан закричал изо всей мочи:

— Да спасет тебя Аллах, аль-Йами, да защитит он тебя!

Раздулись жилы и затрепетали ноздри великана, который смотрел на содрогающееся на земле тело. Резким движением

он высоко вскинул меч и с визгом опустил его. И снова все смешалось: осязаемое и неосязаемое, видимое и невидимое, красный цвет и земля, зейдит — с туфлей имама, Мистер и Талял Маддах, Абу Шеннан, разгневанный на бога...

2

По городу идет патруль. Стражники горделиво шествуют мимо тележек уличных продавцов, минуют многочисленные закрытые лавки. На перекрестках фонарщики зажигают висячие фонари.

Дети аль-Хисри закрывают харчевню отца. Мистер покупает рис высшего сорта в лавке аль-Гамиди. Сторонники имама возвращаются с вечерней молитвы, покусывая кончики зубочисток. Рафт аль-Идни, продавец перца, загасил примус и неподвижно сидит, понурясь, у двери своей лавки.

Из лагеря национальной гвардии доносится вонь сжигаемых отбросов, она смешивается с запахом табака из кофейни Абу Рамши.

Абу Шеннан горько вздыхает... Он чувствует, как тяжесть, сжимающая грудь, проникает во все жилы вместе с глотками черного чая. Он откидывается на сиденье, берет в рот мундштук кальяна и забывается... Абу Шеннан! Один лишь дурман в твоей голове.

Прошел уже месяц со дня казни аль-Йами. Все возвращается на свои места... В кофейне Абу Рамши меняются люди, ибн Аннак как всегда разносит чай с мятой и кальяной. Уже полночь. Слипаются глаза. Люди спят возле своих жен. Лишь стражники не спят, бродят в ночи... Из репродуктора раздается песня Абу Бекра Салема: «Прошла любовь! Прошла мимо меня.— Как жаль! Прошла!»... Абу Шеннан качает головой, вынув мундштук кальяна изо рта.

— Здравствуй, Абу Шеннан!

Зейдит вошел в кофейню, не переставая жевать кат. Не ожидая ответа, уселся на середину тахты и хлопнул в ладоши.

Подошел смуглолицый ибн Аннак. Зейдит ругнул его и потребовал, играя золотыми риалами в кармане:

— Принеси нам чайник чаю, парень.

Ибн Аннак поклонился, будто хотел поцеловать землю между рук, и удалился. Абу Шеннан улыбнулся уголками рта:

— Послушай, зейдит! Этот юноша поклонился деньгам, которыми полны твои карманы. Но знай, стоит кончиться войне, никто не подаст тебе и стакана воды.

Зейдит выплюнул остаток жвачки, достал из кармана и засунул в рот новую порцию. Слегка пожевал. Почесал рукой голову, затем, скрестив ноги, уселся на тахте.

— Если имам не победит, мы, так и быть, присоединимся к республиканцам.

Абу Шеннан рассмеялся, потом, что-то вспомнив, нахмурился:

— Присоединимся... А аль-Йами заплатил за это жизнью!

Зейдит промолчал. Предпочел не отвечать; подошел ибн Аннак с чаем. Абу Бекр Салем закончил песню... «Прошла любовь! Прошла...» Абу Шеннан, лениво посасывая мундштук, почувствовал, как горек табак. За окном кофейни шествует патруль. У одного стражника на плече магнитофон. Бледно светятся фонари...

Зейдит куда-то проваливается... Абу Шеннан что-то говорит. Но никто ему не отвечает... Зейдит наливает чай в стакан... Глаза у него прикрыты. Он словно спит. Но внезапно на лице его проступает радость, так радуется ребенок, увидев любимую игрушку: сквозь табачный дым ему видится силуэт женщины. Исфагань... Это у нее такое полное и крепкое тело... Вот она сбрасывает одежды — одну за другой... Припав к ней, как к бутылке с виски, он пьет, каплю за каплей, ее слюну, и она стекает из его рта на шею и на грудь, исчезая в завитках густых волос...

Абу Шеннан выходит из кофейни, закуривая сигарету «Понс»... Стражников одолевает скука: лавки закрыты, на улицах никого нет, кроме бродячих собак и кошек. В фонарях кончается масло, они почти гаснут.

И вдруг он увидел ее! Абу Шеннан мгновенно очнулся. Посреди площади стояла Самийа. Стражники не обращали на нее внимания.

Абу Шеннан быстро подошел к ней и поцеловал руку.

— Что ты делаешь здесь, матушка?

Глаза ее были полны слез.

— Зачем ты здесь в этот час?

Никакого ответа. Казалось, мысли ее были далеко-далеко.

— Матушка!

Самийа оперлась о его плечо. Абу Шеннан с жалостью и состраданием смотрел в ее смуглое лицо.

— Абу Шеннан! Я видела его во сне — и вот пришла сюда. Он позвал.

Абу Шеннан знал, Самийа говорит об аль-Йами. Он осторожно повел ее через площадь. Сделав несколько шагов, она остановилась.

— Я видела его во сне. Он был весь в белом, как почтенный шейх, с белой распущенной бородой.

— Матушка, нас могут увидеть стражники, и тогда будет плохо.

Самийа молча шла рядом. Худые грязные собаки бродили вокруг, черные и бездушные. Вошли в переулок. Абу Шеннан бросил окурок.

— Он обещал, что каждую ночь будет ждать меня на площади, приходить на то самое место, где...

Голос ее оборвался, и она громко зарыдала. Абу Шеннан гладил ее по плечу, успокаивая, и она стала сдерживать рыдания. Они проходили мимо дома ас-Самири, залитого огнями. У входа стояла машина Бу Талеба, а около нее — два охранника, вооруженные карабинами с примкнутыми штыками.

Абу Шеннан обернулся. Один из охранников обругал его. Самийа приглушенно рыдала... Но вот дома остались позади. Они вышли на открытое место. Подул влажный ветерок. Самийа сказала, как бы обращаясь к самой себе:

— Если бы только он выполнил обещание и пришел! О, горе мне! Горе!

Они шли в темноте. Вдали показались хижины Квартала рабов, а за ними верхушки деревьев — пальмовая роща. Они подошли к лачуге из пальмовых ветвей.

— Заходи, Абу Шеннан! Заходи, сынок!

Абу Шеннан немного помолчал, затем сказал:

— Я пойду назад, матушка.

Самийа зажгла лампу. На ее смуглом лице отчетливо обозначились частые морщины.

— Заходи, сынок! Поешь, а завтра я постираю твою одежду.

Абу Шеннан вошел и лег на матрац, слабо набитый соломой. Через дыру в стене он видел людей, сидящих вокруг очага.

— Я сделаю тебе чай.

— Не хочу.

Помолчав немного, он спросил:

— Матушка! Что там за люди возле огня?

Она кивнула головой:

— Они празднуют свадьбу ибн Амины.

Абу Шеннан закрыл глаза. Он знал: эти люди молча сидят, поминая аль-Йами. В день свадьбы обычно безудержно и неистово бьют барабаны, а Абдель Муата поет: «Дан-дан...» И все повторяют за ним: «Дан-дан...» И кто-нибудь из жителей квартала исполняет свадебный танец, а потом — танец пальм и наконец — танец войны. И лицо плясуна пылает как огонь, и он без усталости и пощады разит врагов своим копьем...

3

Начальник отряда стражников бредет по улице, опустив голову. Нынче утром он не расчесал свою подкрашенную хной бороду и не подкрасил глаза сурьмой. Это так на него не похоже. Люди с удивлением оглядываются, будто видят его впервые.

Аль-Гамиди уставился на него и, ухмыльнувшись, перемигнулся с судейским писарем. Оба рассмеялись. Зейдиту показалось, будто навстречу идет Исфагань и лениво позевывает. Торговцы перцем опустили свой товар на землю и окидывают взглядом идущего, точно снимая мерку, — с головы до пят. Тот, ловя эти косые взгляды людей, чувствует себя

как бы обнаженным. Подняв палку и потрясая ею, он ощущает вдруг в руках огромную тяжесть, и вместо крика: «Молись, юноша! Молись!» — из его горла едва пробиваются какие-то неясные, сиплые звуки.

Так он и идет, начальник отряда стражников. Ничего не видя перед собой и желая лишь одного — чтобы земля раскололась и поглотила его.

Абу Шеннан смеясь вошел в лавку Рафта аль-Идни. Тот держал в руке медную кастрюлю, наполненную до краев молотым горохом. На сковороде жарился в масле нарезанный кольцами перец.

— Чему ты смеешься, Абу Шеннан? Это на тебя не похоже.

— Ты видел начальника стражников?

— Видел. Ну и что?

— А ты не слышал, что произошло с его женой?

Рафт отрицательно покачал головой.

— Как же так? Все уже знают об этом, даже продавцы перца, пришедшие сюда издалека.

Рафт вытер руки и стал внимательно слушать.

— Он сделал ей обрезание. Открылось кровотечение. Тогда он вызвал пакистанского врача, чтобы тот осмотрел ее. И тут люди узнали: грозный начальник наш, перед которым все трепещут, не так уж и страшен, коли, что твой евнух, ничего не может сделать с женщиной.

К дверям подошел какой-то вооруженный человек, босой, как и многие другие солдаты, и крикнул:

— Абу Шеннан! Бу Талеб требует тебя.

— Чего он хочет?

— Не знаю.

— Ладно, — кивнул Абу Шеннан.

Когда человек ушел, Абу Шеннан прошептал:

— Им нужны еще люди. Говорят, Бу Талеб готовится к нападению на Саиду, хочет захватить ее.

Рафт предупреждающе закусил нижнюю губу и стал дожаривать перец, как бы говоря самому себе: «Молчи! И у стен есть уши!»

В кофейне Абу Рамши расселись стражники, зевают от скуки, пьют чай, а ибн Аннак никак не может получить с них плату. Очень жарко, у всех потные лица, шеи.

— Когда у тебя будут вентиляторы, ибн Аннак? Как в кофейнях Джидды?— спросил Абу Шеннан.

Ибн Аннак, похожий на большого ребенка, рассмеялся:

— Подожди, Абу Шеннан, пока в Наджран проведут электричество.

Абу Шеннан вытер пот с шеи и сердито буркнул:

— В порядочных кофейнях есть бензиновые движки.

Ибн Аннак осторожно оглянулся, подошел к Абу Шеннану и прошептал:

— Эх, Абу Шеннан! Такие движки по карману лишь самому эмиру (да продлит Аллах его дни!) или начальнику полиции да еще главному инспектору. А для таких, как мы с тобой, бедняков — только хлопущки от мух.

Абу Шеннан рассмеялся. Ибн Аннак ушел к своим чайникам, напевая вполголоса: «Скажи только два слова». Абу Шеннан достал портсигар. Тот оказался пуст. Абу Шеннан вспомнил, что и в карманах тоже ничего нет, и как назло почувствовал сильную жажду.

Вошел зейдит в своих ярких одеждах. Он был под хмельком и по обыкновению катал во рту жвачку из ката. Уселся на тахту, хлопнул в ладоши и громко закричал:

— Принеси-ка нам пепси, парень.

Потом повернулся и уставился на Абу Шеннана:

— Абу Шеннан! Я был в канцелярии Бу Талеба. Он очень хочет видеть тебя.

В кофейне слышалось бурчание наргиле: курильщики кальяна усердствовали. Большая муха настойчиво жужжала возле уха зейдита, но тот не обращал на нее внимания.

— Чего хочет Бу Талеб? Что ему надо?

Ибн Аннак принес бутылку пепси-колы. Зейдит взял ее, поднес к губам, щеки его раздулись. Но тотчас лицо его скорчилось от отвращения, он выплюнул жидкость и громко закричал:

— Что ты принес, отродье блудницы? Это пепси или ослиная моча?!

Ибн Аннак опустил голову и прошептал:

— Надо же такую вкусную вещь обругать!

— Возьми обратно! И принеси чай и трубку.

Ибн Аннак повернулся:

— Эй, зейдит! Ты чего распетушился? Грех обижать несчастного парня!

Зейдит закрыл глаза. Казалось, он старается вновь обрести состояние довольства и умиротворения. Абу Шеннан, желая ему помочь, закричал:

— О зейдит! Скажи мне, что ты делал в Ширазе в квартале блудных женщин?!

Тот приоткрыл глаза, вяло, словно нехотя, улыбнулся и вновь стал катать жвачку во рту... Абу Шеннан почувствовал, как пересохло у него в горле, и взмолился:

— Я не пил вина уже целую неделю! Хочу захмелеть. Хочу напиться до смерти...

Но зейдит, казалось, уже ничего не слышал, забыв обо всем на свете...

— Хочу напиться и умереть! И пусть мой гроб понесут десять пьяных мужчин...

Зейдит ничего не слышал. Он точно куда-то провалился, исчез, пропал, растворился... Абу Шеннан спрятал лицо в ладонях... Потом, подняв голову, он увидел, как у дверей кофейни соскочил с велосипеда вооруженный человек, поднял руку и крикнул:

— Абу Шеннан! Бу Талеп требует тебя...— И тут же, подойдя ближе, заговорил, чуть не плача:— Сжался! Если ты не придешь со мной, Бу Талеп прибьет меня. Прошу тебя! Умоляю!

4

Перед зданием канцелярии Бу Талеба толпились вооруженные люди, ожидая выплаты денег. В дверь входили и выходили именитые лица, которые в отличие от прочих йеменцев — сторонников имама — носили дорогие заграничные очки.

Охранники освобождали им дорогу.

У задней двери столпились калеки и инвалиды, но на них никто не обращал ни малейшего внимания.

Абу Шеннан остановился у двери представительства Йеменского королевства, смачно сплюнул, вытер рот рукавом.

— Чего тебе тут надо? — окрикнул его охранник.

Абу Шеннан откашлялся, расправил плечи и высокомерно произнес:

— Я — Абу Шеннан.

Охранник, в набедренной повязке, с неприкрытыми тонкими ногами, спросил:

— А кто ты такой, Абу Шеннан? Тебе к кому?

Абу Шеннан нахмурился и сказал, сдерживая гнев:

— Бу Талерб — да продлится его жизнь! — послал за мной.

Охранник кивнул головой:

— Входи.

Посреди двора громоздились ящики с оружием и боеприпасами. Трое чистили миномет. К Абу Шеннану подошел человек, обвешанный пулеметными лентами, и подозрительно спросил:

— Чего тебе надо?

Абу Шеннан одернул жилет, надетый поверх длинной рубахи, и сухо ответил:

— Мне к Бу Талербу. Я — Абу Шеннан.

— Иди за мной, — кивнул человек.

Длинный коридор привел к большому залу.

— Подожди здесь.

Вернувшись, человек сделал Абу Шеннану знак войти.

Обширный зал. Большой стол. За ним на стене — увеличенная фотография имама. Вдоль стен — мягкие стулья. Абу Шеннан сел и почувствовал, что утопает в мягком сиденье.

Спустя какое-то время в зал вошел Бу Талерб и поглядел на сидящего в кресле Абу Шеннана. Высокий и полный, в военной форме, на ногах высокие сапоги. Смуглое лицо обрамлено густой бородой.

Абу Шеннан испуганно вскочил.

Бу Талерб, сохраняя суровое выражение лица и не пригла-

шая Абу Шеннана сесть, спросил:

— Абу Шеннан?

Чувствуя, как слова с трудом выходят из горла, тот прошептал:

— Да, я Абу Шеннан.

Бу Талеп повернулся, сел за стол, внимательно посмотрел на Абу Шеннана и неожиданно спросил:

— Ты друг аль-Йами?

Абу Шеннану показалось, что он падает в пропасть с высокой горы. Слова застряли на языке... Он утвердительно кивнул головой. Бу Талеп вытащил из ящика стола пистолет и сказал, протирая его:

— Ты пьешь запоем, я знаю, и повинен во всех смертных грехах!

Абу Шеннан пересилил дрожь в ногах и ответил с напускной смелостью:

— Пить-то пью, но других грехов за мной вроде бы нет. Бу Талеп слегка улыбнулся и сделал знак садиться.

Абу Шеннан сел, понемногу к нему вернулась уверенность.

— Хорошо, Абу Шеннан. Ты должен оставаться смелым даже в самый трудный и опасный момент!

Бу Талеп положил пистолет в стол.

— Ты знаешь английский. Говорят, ты работал в ад-Димаме в компании «Арамко».

Абу Шеннан утвердительно кивнул головой.

— Почему ты бросил эту работу?

Абу Шеннан нахмурился и не ответил.

— Впрочем, можешь ничего не говорить. Я знаю, тебя выгнали за участие в забастовке вместе с рабочими.

Абу Шеннан молчал. Говорил один Бу Талеп:

— Потом ты вернулся в Наджран...

— ...

— И стал пить виски, которое привозят контрабандой из Адена.

— ...

— Ты пристрастился к спиртному и истратил все, что накопил.

— ...

— И стал бесцельно шляться, как бездомная бродячая собака.

У Абу Шеннана свело все мышцы, ему казалось, что он вот-вот рухнет на пол.

Бу Талеп встал и подошел к нему:

— Никто в Наджране не верит тебе. А в Квартале рабов тебя больше не будут кормить. Тебя ждет только голод.

Слезы хлынули из глаз Абу Шеннана. Он весь сжался. После молчания, показавшегося Абу Шеннану бесконечным, Бу Талеп улыбнулся:

— У нас есть для тебя должность. Это твой последний шанс.

Губы Абу Шеннана задергались, словно он пытался что-то выговорить. Лицо его помертвело.

— Ты должен знать, Абу Шеннан, того, кто выйдет из повиновения или разгласит наши тайны, мы убиваем, а труп бросаем диким зверям.

И Бу Талеп снова замолчал.

Абу Шеннан сидел, не поднимая головы.

— Приходи завтра к Мистеру,— сказал Бу Талеп.— Он объяснит тебе твои обязанности...— И, помолчав, добавил:— А сейчас можешь идти.

Абу Шеннан поднялся, чувствуя, будто тонны железа привязаны к ногам.

Квартал рабов. Холодный ветерок колышет ветви пальм. Каждая песчинка помнит здесь шаги аль-Йами. Вечером он ложился под пальмой, брал в ладони пригоршню песка и говорил: «Абу Шеннан. Мы должны выйти из этого состояния. Мы должны бороться за рабов и бедняков». Самийа приносила чайник чая, садилась и гадала им. Аль-Йами, улыбаясь, склонялся к ней, целовал ее поседевшие волосы и с воодушевлением говорил:

— Матушка наша, Самийа! Рабы должны пробудиться ото сна...

После казни аль-Йами квартал охвачен молчанием и не-

выносимым ужасом. Все полно страдания: песни и кроны пальм, сердце, глаза и смуглое морщинистое лицо Самийи... Пески, молчание, гнет, печаль, насилие, гнев... И ты, Абу Шеннан? Ты один! Бу Талерб злорадно смеется над тобой... Весь мир проклят семью проклятьями... У кого, кроме тебя, матушка, может найтись для меня место в сердце?

Он постучал в дверь и услышал ее голос:

— Входи, Абу Шеннан. Входи, сынок!

Увидев его, Самийа спросила:

— Что так бледен?

— Я болен, матушка!

— На что ты жалуешься, Абу Шеннан?

— Рана внутри меня, матушка!

— Я приготовлю тебе чай!

— Во рту моем горечь, матушка.

— Ты не пьян, Абу Шеннан?

— Хотел бы найти хоть каплю спиртного, матушка.

— Ложись, отдохни.

— О, если бы я мог! Хотелось бы мне забыться!...

5

Возле Абу Шеннана остановилась легковая машина. Мистер направил на него свои черные очки:

— Садись.

Абу Шеннан погладил небритый подбородок, чуть подумал, несмело сел.

Машина проехала по главной улице и, оставив позади лагерь национальной гвардии, остановилась около уединенного большого дома.

— Выходи.

Абу Шеннан послушно вышел. Мистер тоже вышел и захлопнул дверцу. Абу Шеннан последовал за ним, путаясь в своих широких одеждах, спотыкаясь, как человек с завязанными глазами. Мистер постучал. Дверь открыл слуга йеменец. Абу Шеннан оказался в большой комнате. Пол устлан ковром, стены оклеены фотографиями обнаженных женщин.

— Садись.

Абу Шеннан сел на тахту, обитую красным бархатом.
— Хочешь стаканчик?

И прежде чем Абу Шеннан, с удивлением и интересом разглядывавший фотографии, успел ответить, Мистер крикнул:
— Мансур, бутылку виски, да поживей.

Слуга удалился и вскоре вернулся с бутылкой в ведерке со льдом. Мистер налил, и Абу Шеннан, растерявшись вконец, почувствовал, как рот его наполняется слюной. Он быстро протянул руку и одним движением опрокинул содержимое стакана в рот.

Мистер улыбнулся, потом захохотал:

— Пей, пей...

Абу Шеннан опрокинул второй стакан. На стенах заплясали обнаженные женщины. Мрак стал рассеиваться, все вокруг засверкало яркими красками. Мистер налил в третий раз:
— Хорошо, хорошо... Прекрасно. Ты, говорил мне Бу Талеп, любишь выпить.

После четвертого стакана Мистер приказал слуге:

— Мансур. Покажи-ка нам, пожалуй, фильм. Тот, что получили два дня назад.

Мансур почтительно склонил голову. Он задернул шторы на окнах. В комнате стало темно, и после пятого стакана начали смотреть фильм.

Мир закружился от яркого луча, разрезавшего комнату. Абу Шеннан ощутил небывалый восторг. Он не отрывал от экрана глаз. Там раздевалась женщина. Казалось, слышно ее дыхание рядом. Вот она снимает, одну за другой, одежды, ложится, раздвигает колени... К ней подходит большая черная собака, высовывает длинный язык...

Абу Шеннану мучительно хочется, чтобы собака не стояла так близко. Он ударяет рукой по стене. Бурное, неодолимое желание овладевает им...

— Потерпи, потерпи, Абу Шеннан! Сейчас ты увидишь кое-что поинтересней!..

Абу Шеннан допил стакан и снова уставился на экран. Вошла другая женщина и выгнала собаку... Абу Шеннан не мог оторвать глаз от экрана. Ему казалось, что если сейчас...

Он не додумал мысль до конца.

— Что, Абу Шеннан, хочешь женщину?

Распаленный Абу Шеннан крикнул, не веря ушам своим:

— Хочу!

— Иди за мной.

У одной из дверей Мистер остановился, постучал:

— Прошу.

Взгляд, которым Абу Шеннан окинул комнату, шел из самых глубин его распаленного существа.

На постели лежала женщина. Какое у нее красивое тело!

Но что это? Абу Шеннан побледнел, ошеломленный:

— Это же женщина из фильма?!

Мистер утвердительно кивнул, улыбнулся.

— Она приехала из Германии,— шепнул он.— Будь с ней ласковым.

...Пресыщенный Абу Шеннан растянулся на тахте. По ковру катается бутылка. Женщина с копной светлых волос на голове ушла в ванну. Мистер — в арабской одежде — курит трубку, и комната наполняется табачным дымом.

— Будем говорить по-арабски или по-английски?

Абу Шеннан, преодолевая дремоту, вяло ответил:

— Как хочешь.

Мистер выпустил дым изо рта:

— Лучше по-арабски.— И, откашлявшись, продолжал:— Ты будешь работать в лагере Абу Иршаш. Как тебе известно, это лагерь для солдат-иностранцев. Ты будешь там единственным арабом, офицером связи. Будешь переводчиком и займешься еще кое-какими делами.

Он затянулся. В этот момент вернулась женщина. Обернутая белым полотенцем, она источала сильный аромат.

— С тобой будет Рита. Она будет печатать на машинке, вести переписку.

Сонливость Абу Шеннана точно рукой сняло, в нем снова проснулся зверь...

Мистер встал, прошелся по комнате:

— Конечно, ты должен сменить одежду. Рита подберет что-нибудь подходящее из моего гардероба. Мансур, виски!

В Квартал рабов пришло известие. Неожиданное и обжигающее, как пощечина.

Замолчал Абдель Муата. Притих ошеломленный ибн Амина, всего неделю назад женившийся на Фатиме, той самой, у которой мать все еще оставалась рабыней ас-Садири. Люди перестали работать на полях.

Один клялся, простирая вверх, к небу, натруженную, потрескавшуюся ладонь, что видел Абу Шеннана в легковой машине. На нем был европейский костюм — брюки и рубашка, а рядом сидела женщина с непокрытой головой. Другой (это, поговаривали, был один из дядьев аль-Йами) шепнул нескольким парням, будто арестовали Рафта аль-Идни, торговца перцем, за то, что он что-то утаил от Абу Шеннана, который теперь работает на Бу Талеба и стал не просто его соглядатаем, но даже каким-то начальником.

Самийа сорвала платок с головы. Рассыпались пряди волос, подернутые сединой. Женщина громко запричитала.

Никто не подошел к ее хижине, а когда наступил вечер, никто не зажег лампы.

В ту ночь никто не срывал зелень, редис и помидоры на полях. Летучие мыши сидели на верхушках пальм. Шакалы и гиены бродили в песках, подбирались к хижинам на краю города...

На исходе ночи ибн Амина шепнул Фатиме, что Самийа изведет себя, ибо в эту ночь горе ее было тяжелее прежнего.

Абдель Муата долго смотрел в потолок, попорченный крысами, потом тяжело вздохнул. Закашлялся его отец. Год назад у него начал вздуваться живот. Он не лечился, живот все рос, и по ночам из него выходили зловонные газы.

Отец сильно закашлялся и хрипло сказал:

— Ее рыданья растопят камень. Когда бедная Самийа плачет, разрывается сердце...

Абдель Муата привык не обращать внимания на слова боль-

ного отца, который никак не хочет умирать. Но на сей раз слова отца подействовали и на него. Отец, вспомнил он, был когда-то красивым, видным мужчиной, с голосом сладким как сахар, считался звездой квартала и не имел себе равных в пении и пляске под барабан.

— Она плачет после долгих голодных ночей и жгучих ударов бича...

Глаза Абдель Муаты наполнились слезами. Он взял руку больного отца и поцеловал его ладонь.

— Самийа в молодости была мила и красива. Губы нежные, лицо ясное... Говорят, любила она юношу, такого сильного и высокого, что стоило ему задеть головой скалу, и камень трескался и рассыпался. Отец его был рабом ас-Садири. О глубокой и светлой любви их в Квартале рабов ходили легенды. Но любовь эта кончилась быстро и печально. На красивого, сильного юношу пал выбор ас-Садири, пожелавшего подарить его эмиру Неджда*. Из Джизана приехал лекарь и на площади посреди квартала на виду у всех оскопил юношу. Неделю тот пролежал в постели, пока не зажила рана, а потом его отправили в Неджд, и он стал евнухом в гареме эмира.

Отец Абдель Муаты, рассказав эту историю, долго молчал.

Как длинна проклятая ночь. Бесконечна и темна.

Ибн Амина переворачивается на другой бок:

— Никто в нашем квартале не спит сегодня.

Он протягивает руку к груди Фатимы, сжимает пальцами сосок, но не чувствует никакого удовольствия и убирает руку.

— Как мог Абу Шеннан так поступить? Ведь еще не высохла кровь аль-Йами! Как он решился?..

Молчанье. А время все идет. Фатима прижимается к мужу. Тот достает губами ее губы, но и это не доставляет ему наслаждения.

— Они были ей как два сына. Аль-Йами казнен, а Абу Шеннан...

* Неджд — провинция в Саудовской Аравии.

Фатима теснее прижимается к нему. Но мужчина не отзывается. Она впивается сосками в его грудь, но страсть так и не пробуждается.

— Как долго тянется ночь. Темная, мрачная. И долго еще ночи в нашем квартале будут темными, полными печали и скорби.

Ветер колышет ветви пальм. Проникает сквозь щели. Несет с собой частицы земли, пыли. Над горизонтом, на краю пустыни, появляются первые лучи зари.

Рыданья Самийи стихают и переходят в глухие стоны, словно доносящиеся из темных подземелий, из могил...

7

Он все оставил позади.

Квартал рабов, улицу аз-Зуйуд, кофейню Абу Рамши... Машина несется, поднимая облачко пыли.

Рита, Мистер и он — в европейской одежде. Абу Шеннан обводит взором очертания зубчатых гор, вглядывается в сухой кустарник, растущий вдоль обочин, возвращается мыслью к прошедшей ночи... Рита пристально следит за выражением его лица, иногда толкает его локтем в бок. К нему поворачивается Мистер и нарушает молчание:

— Здесь упал личный самолет бен Ладена.

Ослепительно светит солнце, и Рита сидит, полузакрыв глаза.

— Самолет типа «конфейер» с двумя двигателями. Он потерял управление, попав в воздушную яму. Летчик пытался сесть в пустыне, но один из двигателей вдруг отказал, и самолет упал на скалы.

Рита слегка наклоняется вперед и, раскрыв глаза, спрашивает с интересом:

— О чем вы? Почему бы вам не говорить по-английски? Мистер повторяет Рите сказанное.

— Ах, бен Ладен! Я, кажется, слышала о нем. Это не тот ли человек, который так никогда и не смог пересчитать своих детей?

Мистер, утвердительно кивнув головой, подумал про себя, что Рите известно многое и, возможно, она знает о Наджране даже больше, чем властитель его ас-Садири.

Вот и Абу Иршаш.

Пальмовый оазис. С вершины горы низвергается водопад. Пестреют разноцветные палатки. Машина останавливается у шлагбаума пропускного пункта. Часовой — блондин с карабином на коленях, — не вставая, знаком разрешает проезд.

Машина огибает шлагбаум и, миновав колючий кустарник, оказывается в расположении лагеря.

Под душем стоит голый человек. Его белое тело лишено растительности, как у женщины. Справа от домиков находится бассейн. Какая-то женщина в купальном костюме собирается прыгнуть в воду.

— Большинство людей, наверно, сейчас обедает.

Мистер тычет пальцем в здание слева, открывает дверцу и выходит из машины. За ним следуете Рита и ты.

Итак, ты в лагере Абу Иршаш. Вода и женщины. И наемники, шуршащие долларами в карманах. Это — другой мир, ничем не связанный с Наджраном. Ты должен закрыть глаза, чтобы ничего не видеть, или заснуть, как спят коты. А всякий раз, когда в твоей крови оживет память об аль-Йами, под рукой будет Рита и стакан с виски — охлажденным виски, совсем не похожим на одеколон.

Мистер и Рита идут впереди. Ты шагаешь следом. Входишь в один из домиков. За столом сидит юноша с бородкой, держа между пальцами сигарету. В стороне быстро крутится вентилятор, нагоняя прохладу.

— Эмир Али ас-Самири, представитель имама в Абу Иршаше, — рекомендует его Мистер. Потом поворачивается к тебе, хлопает тебя по плечу и говорит: — Абу Шеннан. Новый офицер связи.

Мистер не представляет Риту. Но по тому, как эмир смотрит на нее, видно: он знаком с нею, и достаточно близко.

Все садятся. Эмир нажимает кнопку второго вентилятора, предлагает сигареты. Мистер говорит тебе:

— Ты должен переводить, когда эмир будет беседовать с иностранцами, воюющими на стороне его величества имама.

Эмир кивает головой в знак согласия. И ты начинаешь понимать: у Мистера власти здесь, пожалуй, больше, чем у эмира. Почему-то вдруг тебе вспоминается Галийя ас-Самири: как эмир похож на нее!

Жужжит вентилятор. Когда Рита поднимает руку, поднося ко рту сигарету, под мышкой у нее видны волосы. Через окно ты разглядываешь картинки с Микки Маусом, прилепленные к стене дома напротив. Мистер раскуривает трубку, без стеснения протянув ноги на маленький столик посреди комнаты. Рита закрывает глаза и откидывается в кресле, оставив ноги неприкрытыми.

После обильного обеда Мистер сказал Абу Шеннану:

— Ты можешь купаться в любом бассейне и ходить по всему лагерю, заглядывать в любой уголок, но помни,— он указал на вершину скалистого холма, с которого стекала вода,— тебе нельзя подниматься на эту вершину.— Он задумывается на минуту, потом смотрит в лицо Абу Шеннана взглядом человека, принимающего решение, и добавляет:— Кроме того, тебе разрешается говорить с теми, кто в лагере, только в присутствии эмира или Риты. Хотя, конечно, ты можешь отвечать на их приветствия утром и вечером в столовой.

Рита извинилась и ушла отдыхать в свою палатку. Солнце уже садилось за холм... Выходя из комнаты, Мистер не оборачиваясь бросил:

— Вначале тебе будет тревожно — так бывает со всяким, кто меняет образ жизни. Но пройдет день, другой, и ты привыкнешь, вот увидишь.

Не дождавшись ответа, он протянул руку, указывая на могилы с бетонными надгробьями и крестами:

— Эти люди участвовали в боях и погибли... Они храбро сражались.

Мистер повернулся, посмотрел на группу полураздетых людей, проходивших по площади, и сказал, будто вспомнив о чем-то:

— В лагере есть женщины для развлечения этих европейцев, они ведь жить не могут без подруг и без холодного пива. До свидания.— Мистер протянул ему руку.— Я возвращаюсь в Наджран и надеюсь получать о тебе только хорошие известия.

Ты закрываешь глаза... Перед твоим взором возникают их образы — и опять проходит опьянение. Аль-Йами, как теплая дрожащая птица, бьется в ладонях...

Ты вспоминаешь Самийю — сердце твое разрывается. Дует ветерок, и ты улавливаешь в нем запахи Квартала рабов. Тоска овладевает тобой. Ты ворочаешься в постели, тебе неодолимо хочется бежать отсюда. Бежать куда глаза глядят.

Распахивается полог палатки, и слышится ее жаркий, зовущий шепот. Она появляется перед тобой в прозрачной ночной пижаме.

Рита! Рита! Кусай меня, как кусают скорпионы! Утоли мой голод! Ты жжешь меня, как острое пряное блюдо... Рита, Рита! Заглуши во мне все тайное и явное!..

8

В этот день Самийа взяла корзину с редисом и большую связку зелени и пошла на базар. Перед ее хижинкой собрались пожилые женщины и слушали — в доме была радиоточка — пьесу «Умм Хадижан», смеясь щербатыми или вовсе беззубыми ртами. Рядом с ними тощая коза жевала бумагу. Петух гонялся за курицей...

Пьеса закончилась, и начал петь Мухаммед Абдо: «Не жди меня, не жди!..» Женщины продолжали беседу.

— Слыхали, жену начальника стражи застали в постели с ее соседом, санитарным инспектором городской управы,— сказала одна.— Теперь ее, наверно, забьют камнями.

— Вот горе-то. Выдали несчастную за мула,— добавила вторая.

— Все равно так нельзя поступать, сестра!— возразила третья.— Как можно спать с чужим мужчиной?

— Как же так, сестра?— сердито спросила первая.— Зна-

чит, им все дозволено, раз они могут приказать оскопить мужчину и сделать обрезание женщине? А почему? Желание-то от Аллаха. Можно ли убивать за то, что сотворено им?

Коза бросила бумагу, которую так и не смогла разжевать, и стала нюхать землю. Петух расправил перья, как бы показывая всем: он, мол, удовлетворен...

Диктор объявил, что шейх аль-Хисри прочитает отрывок из Корана — суру «Марийам». Женщины благоговейно умолкли, подняв глаза к небу. По нему быстро бежали облака.

Абдель Муата играет с приятелями в карты. На полу лежит больной отец с раздутым животом и, глядя на потолок из пальмовых веток, вдыхает запах приближающегося дождя.

Молодые люди держат карты и смотрят друг на друга. Старый человек и на их лицах видит знамение приближающегося дождя, который идет здесь один раз в году. В этот день является ангел грозы и грома и хлещет бичом по облакам. На равнины и холмы, в расщелины скал и ущелья падает дождь. Вода собирается в вади Наджрана и несется бурным потоком, унося с собой хижины, жестяные листы, пальмовые ветки, коз, кроликов, кур.

Абдель Муата пьет чай и играет в карты. Юноши почесывают головы и двигают маленькие шапочки на голове... Отец Абдель Муаты чувствует, как страх вползает в его сердце.

А может быть... Кто знает? Может быть, я проживу еще год? Абдель Муата найдет работу, и мы женим его на Улье, которой минуло тринадцать весен. Кто знает? Все может быть.

Ибн Амина говорит жене:

— Никак не могу найти работу. Никто не сеет. Боятся наводнения. Ведь дождь пойдет непременно. А пока его нет, земля остается сухой и бесплодной...

Лицо Фатимы, его молодой жены с маленькими грудями, омрачает облачко беспокойства и озабоченности:

— У нас нечего есть. Что же мы, умрем с голоду?

Ибн Амина берет чайник с водой, пьет, вытирает рот краем одежды и говорит:

— Я буду искать работу.

Фатима поднимает на него свои детские глаза:

— Абу Шеннан стал важным человеком. Командует и распоряжается. Пойди к нему. Может быть, он найдет тебе работу.

Ибн Амина гневно прикрикнул на Фатиму, но та продолжает:

— В Квартале рабов нет ничего, кроме голода, болезней, бедности и унижения. Здесь и мужчины какие-то мертвые, ничего не хотят: знай себе бродят, как голодные псы.

Ибн Амина высоко поднял руку и с силой ударил Фатиму. Она, рыдая, упала на землю. А ибн Амина вышел из хижины и, тяжело ступая, побрел прочь из квартала, увязая в сыпучем песке.

Наджран суров и бессердечен. Наджран — злая мачеха...

Будьте вы все прокляты! Правители, купцы и стражники!

9

Часто и тяжело дыша, еле живой от голода, ибн Амина добрался наконец до базара. Волосы слиплись от пота. Смуглое лицо покраснелось, точно его терли щеткой. На базаре почему-то ни души. Улицы были пусты, лавки закрыты, весь город молчал. Ибн Амина, с трудом держась на ногах и судорожно дыша тощим животом, озирался вокруг, ничего не понимая, — точь-в-точь подбитая птица, брошенная издыхать в пустыне.

Вдали он увидел водоноса. Тот нес на плечах коромысло, к которому были подвешены ведра с водой. Ибн Амина уселся на корточки посреди тротуара. Наверно, пришло ему вдруг в голову, все находятся на молитве, и кто знает, не отдан ли стражникам приказ закрыть лавки: того и гляди эмир поедет в мечеть. «А с водоноса что взять, он ведь слабоумный, — подумал ибн Амина, — входит в любой дом, женщины перед ним даже не закрывают лица. Много ли у него узнаешь?»

Водонос подошел, сгибаясь под тяжестью полных ведер. Заметив ибн Амину, он остановился и спросил, вытирая пот рукавом:

— Что ты делаешь здесь, ибн Амина?

Тот, не отвечая на вопрос, прохрипел:

— Глоток воды, прошу тебя.

Водонос поднес ко рту ибн Амины ведро, и тот стал жадно пить. Вода стекала по подбородку. Напившись, он поднял голову. Лицо его немного ожило.

— Куда подевался народ? Город пуст. Где все?

Водонос поднял брови и сказал с напускным гневом:

— Разве ты сам не знаешь?

— Нет,— покачал головой ибн Амина,— ничего не слышал.

— Все собрались на площади аль-Кисас.

— Там что, опять рубят кому-нибудь голову?— спросил ибн Амина, вытянув нижнюю губу.

— Нет, побивают камнями жену начальника стражи,— с печалью в голосе ответил водонос.

Он снял с плеча коромысло, опустился на корточки, потом сел прямо на горячий асфальт.

— Она согрешила с юношей, прекрасным как Луна. Старый муж не мог утолить ее жажду. А она молодая, красивая, подкрашивает глаза и носит хиджазские вышитые одежды.

Водонос что-то еще говорил, а ибн Амина думал: «Я голоден, что толку мне от воды?» Он поднялся и пошел, вспоминая Фатиму, которая ждет его. Лицо ее высохло, стало желтым, как лимон. В глазах у него снова потемнело.

— Пойдем на площадь, посмотрим, как ее бьют!— крикнул вслед водонос.

Ибн Амина ничего не ответил, только подумал снова: «Мне-то что до всего этого. Поесть бы, набить брюхо». И как привидение побрел дальше по улице.

Мясные ряды. С крюков свисают целые туши. Мясник большим ножом разрубает тушу надвое. Другой режет мясо на куски, красные кровавые куски... Торговцы молча сидят на корточках перед своим товаром в ожидании покупателей.

Ибн Амина! Мясо вкусное, а у тебя во рту мерзкий вкус какой-то падали. Эх, перепади тебе фунт мяса! Ты съел бы его один. Пожалуй, нет. Ты поделился бы с Фатимой. Жарил бы

для нее кусок за куском. Она насытилась бы, сыто зевнула, на щеках ее заиграл бы румянец.. Потом она легла бы рядом с тобой и ты пел бы ей: «Дан... дан...» И она пела бы тебе, и вы жили бы в довольстве и счастье, а вокруг все цвело. Ты целуешь ее, и она кладет голову тебе на грудь...

— Чего тебе надо?!

Ибн Амина сглотнул слюну. До него с трудом дошло, что его ругают. И он побрел дальше. В конце базарных рядов мусорщик Аббаджа с вечно слезящимися глазами, подпоясанный веревкой, собирает отбросы. В его тележку впряжен тощий мул — кожа да кости.

— Привет тебе, Аббаджа.

Аббаджа вытирает слезящиеся глаза, вытягивает шею и наклоняет голову, чтобы разглядеть ибн Амину. Потом, узнав его, кивает.

— Как дела? Что слышно дома?— спрашивает Аббаджа.

Ибн Амина лишь хмурится в ответ.

— Садись ко мне в тележку,— приглашает Аббаджа.— Довезу тебя до твоего квартала, а по дороге поговорим.

Мусорщик уселся на передок тележки. Ибн Амина сел рядом, и мул вяло тронулся. Колеса тележки закачались, заскрипели, из ящика поднимался зловонный запах отбросов и кож.

— Я голоден, Аббаджа! Со вчерашнего дня ни крошки во рту не было.

Аббаджа трет слезящиеся глаза — они одни лишь и выделяются на грязном лице. Слова ибн Амины ничуть не удивляют его.

— Сейчас поедem собирать мусор в лагерь национальной гвардии. Там-то уж найдем хоть что-нибудь: хлеба, банку сардин.

Голод. Призраки. Скрип тележки. Слезящиеся глаза Аббаджи. И Фатима, Фатима! Терпеньем... Еще немного терпенья.

Огромная груда пустых банок, большой бидон, кипа бумаг, яичная скорлупа. И ничего больше. Остатки мусора медленно тлеют. Вверх поднимается едва заметный дымок. Но хлеба ни кусочка!

Тишина. Голод. Голод, тьма и произвол вокруг!

Глаза наполняются слезами. Грязное лицо краснеет. Ибн Амина закрывает глаза, потом резко поворачивается и идет, нет, он бежит. Все плывет у него перед глазами. Он падает, встает, бежит дальше. И вот опять перед ним мясные ряды. Туши, красное мясо... Ибн Амина останавливается перед тушей, свисающей с крюка. Он тяжело дышит, плачет навзрыд, колени подгибаются от слабости...

И вдруг он кидается на тушу, обхватывает ее руками и, прижавшись лицом, впивается зубами в красное мясо. Он не обращает внимания на пинки и удары, которые сыплются на него со всех сторон. Подбегают стражники и уволакивают его. Из носа ручейком течет кровь...

10

— Приехал Мистер. С ним несколько человек,— сказала Рита.

По лагерю разносился запах пищи, повара готовили ужин. С горы непрерывно струилась вода. Абу Шеннан молча и угрюмо смотрел на могильные кресты.

— Среди приехавших Бу Талеб, начальник полиции и люди из канцелярии эмира.

Абу Шеннан перевел взгляд на Риту. Та прижалась к нему.

— Меня пугает, как ты смотришь на меня, Абу Шеннан! А почему ты не побрился?

Абу Шеннан надломил ветку олеандра и нервно сказал:

— Я пресытился. Мне надоело все получать без труда. Хочу снова бродить, испытывать голод и жажду.

Рита удивленно подняла брови:

— Вот как! Значит, тебе скучно. Мистер, того и гляди, обвинит в этом меня. Недостаточно, мол, уделяю тебе внимания. Могу я что-нибудь сделать для тебя?

Абу Шеннан ничего не ответил. Он сел, спрятал лицо в ладонях и погрузился в долгое молчание. Ветерок доносил до них запах жаркого. Кто-то запел по-французски печальную песню. Рита подняла голову и тихо сказала:

— Знаешь, кто поет? Француз Жан. Он поет о своей матери.

Ты слышал когда-нибудь, чтобы подкидыш пел о своей матери?

Абу Шеннан поднял голову, посмотрел на Риту, но ничего не ответил.

— Ты помнишь свою мать, Абу Шеннан? — опять спросила она.

Он потер рукой подбородок и покачал головой.

— Она умерла, когда ты был еще маленьким?

Абу Шеннан кивнул, подтверждая ее слова.

— Ты не помнишь ее?

— Нет, не помню. Она умерла, когда я был маленьким. Но я помню мою вторую мать, которая воспитала меня. Ее зовут Самийа. У нее смуглая кожа и светлое сердце. От рук ее исходит благодать.

— Она негритянка?

Абу Шеннан нахмурился.

— Я не то хотела спросить. Она из тех женщин, которых эмир отпустил на волю? — быстро поправилась Рита.

Помолчав, Абу Шеннан ответил:

— Эмир оставил все как было. Был принят лишь закон об освобождении рабов, но они остались бедняками и людьми последнего сорта.

Голос певца взмыл ввысь и оборвался на печальной ноте. Ему захлопали...

— Этой ночью я не буду с тобой.

Абу Шеннан вытянулся на земле, запрокинув голову.

— Почему?

— Я должна идти туда, — с трудом проговорила Рита.

Абу Шеннан перевернулся, опершись на локти, и снова спросил:

— А мне нельзя пойти туда?

Рита покачала головой.

— Мистер устраивает вечеринку для своих гостей?

— Да, — снова с трудом произнесла Рита.

— Ты пойдешь?

— Пойду, и все женщины лагеря — тоже.

Абу Шеннан помолчал, в растерянности чертя пальцем по

земле. Спросил с тревогой:

— А не пойти нельзя?

— Нет. Это приказ Мистера.

Рита взяла руку Абу Шеннана, пожалала ее.

— Ты волнуешься за меня, Абу Шеннан?

Он взглянул ей в глаза и промолчал.

— Абу Шеннан, поверь, мне вовсе не хочется туда идти.

Все они словно спятили. Они так ужасно мучают меня.

Абу Шеннан склонил голову. И тут по радио назвали его имя. Он встал:

— Мистер хочет говорить со мной.

Мистер, красуясь в арабской одежде, протирал очки кусочком замши.

— Абу Шеннан, отправляйся в Наджран,— сказал он.— Отпускаю тебя на три дня. Отдохни.

Абу Шеннан кивнул и вышел, не дожидаясь, что скажут ему еще. Он сел в машину, включил зажигание и рванул с места на максимальной скорости.

Абу Шеннан! Твои глаза полны слез. Ты унижен, и в твоей крови закипает ярость. Непонятно, существуешь ты или нет. Ты впитываешь в себя мерзость и подлость, как губка, которой ибн Аннак вытирает грязный стол. Нет, ты никогда не был настоящим мужчиной...

Машина мчится со свистом и скрежетом, подскакивая на камнях. Руль в руках Абу Шеннана дрожит.

Абу Шеннан! Помнишь ты, что говорил Мушан? «Бедняки смогут радоваться и пьянеть только после того, как победят».

Мушан, Мушан! Утопая в грязи, мы вспоминаем все чистое. Вот и я теперь вспоминаю тебя. А перед могилой аль-Йами я встану на колени и буду рыдать, пока не умру.

Ну, а Самийа? Когда-нибудь она улыбнется мне? Что надо сделать, чтобы она хоть раз улыбнулась мне? Я вернусь сюда. Вернусь и напьюсь одеколона и спирта. И буду плакать. Сегодня, и завтра, и послезавтра, и во все остальные дни.

Машину, пробирающуюся между большими камнями, заноси-

ло из стороны в сторону. Приближались скалы. Темнело, и все вокруг становилось суровой и жестче.

11

Тележка трясется. Колеса со скрипом клонятся то вправо, то влево. Мул еле плетется, грызя ржавые удила. Глаза его слезятся. Из тощего зада выпирают острые мослы, и кажется, вот-вот они прорвут кожу.

Аббаджа сидит вверху, на куче мусора. Словно на троне. Повелитель отбросов! Голова повязана грязной тряпкой. Время от времени он трет свои вечно слезящиеся глаза. Он, в общем-то, не отличает вчерашний день от сегодняшнего: ему все едино — пятница нынче или четверг. Никто не знает, где он ночует, когда в последний раз умывался, платит ли ему городская управа жалованье. Никому до него нет дела. Нехотя, не спеша собирает он отбросы, ни на кого не обращая внимания. Временами не то бормочет себе под нос, не то напевает.

Вот и сегодня утром он бормотал что-то по своему обыкновению, но слушал его один лишь мул, поводя ушами. Они проехали мимо ряда золотых дел мастеров, по центральной улице, потом по улице аз-Зуйуд, объехали мясной базар, собирая повсюду мусор и отбросы и нагружая их на тележку. Подъехали за мусором к городской тюрьме. Аббаджа постучал в ворота. Как обычно, из них вышел стражник Абдо. Он молчит, но за него говорит выражение его сурового лица. Арестант вынес на спине мешок с мусором. Опустив его на землю, глянул в небо и, тяжело вздохнув, перевел взгляд на простирающуюся вдаль пустыню. Абдо грубо окрикнул его, и тот потащился назад, волоча скованные кандалами ноги. Тяжелая дверь с засовом и большим медным замком закрылась с леденящим душу скрипом.

Аббаджа продолжал свой путь, вытирая слезящиеся глаза. Мул брел понуро, останавливаясь на каждом шагу. Время от времени на дороге попадались люди. Они несли в город зелень и редис на продажу.

С переполненной тележки то и дело падали на землю отбросы, но никто не обращал на это ни малейшего внимания. Птицы,

кружившие над головой, жадно хватали их. Вдруг взметнулся смерч, подхватил камни и листья и унес прочь. Аббаджа прикрыв нос повязкой. Из глаз обильнее потекли слезы.

Вдали — городская свалка. Над ней курится легкий дымок. Далеко разносится смрад от тлеющего мусора и старых консервных банок. Дети из Квартала рабов, перекликаясь, роются в отбросах. Они окружают тележку, кто-то забирается в нее сзади. Аббаджа прикрикивает на ребят. Но они его не боятся. Дети знают: кто-кто, а уж Аббаджа никогда никого не тронет.

Они ждут, когда он вывалит мусор из мешка. Не найдется ли там огрызков хлеба или финиковых косточек...

Аббаджа сошел с тележки, отпихнул ребят рукой и сказал, зная заранее, что его никто не слушает:

— Ну-ка, ребятки, обождите. Сейчас мы опорожним мешок.

Он повернулся к тележке, взял мешок, опустил на землю и вывалил его содержимое. Дети набросились на отбросы, перебирая их, а Аббаджа стал разгружать тележку дальше.

Быстро управившись, вытер слезящиеся глаза и совсем уж было уселся в тележку, как вдруг кто-то из детей в ужасе закричал, следом заголосили и остальные. Некоторые бросились наутек. Аббаджа подошел узнать, что так испугало детей, — и увидел отрубленную руку. Кисть с пятью короткими пальцами. Аббаджа встал на колени и взял ее в руки. Плоть была еще свежей, ногти запятнаны спекшейся кровью. На пальцах были короткие редкие волосы и голубые раздувшиеся жилы.

— Уходите, ребята! Скорее уходите отсюда! — крикнул Аббаджа хрипло, еле сдерживая слезы. Он сунул отрубленную кисть за пазуху, сел в тележку, нервно прикрикнул на мула, стегнул его кнутом. Мул уперся, потом слегка подпрыгнул, взбрыкнул задними ногами и, против обыкновения, вдруг побежал по горячему песку.

Аббаджа подъехал к воротам тюрьмы. Там уже толпились люди, ожидая, когда их пустят навестить родственников. Аббаджа встал среди них. Лицо его налилось кровью. Он тяжело и глубоко дышал. Когда дверь открылась и показался стражник Абдо, Аббаджа подошел к нему.

— Тебе чего, Аббаджа? — упредил его стражник.

Аббаджа сглотнул слюну, вытер слезы на глазах, издал какой-то сиплый звук и с трудом выдавил:

— Я хочу видеть ибн Амину.

Казалось, говорил кто-то другой.

Абдо ответил с обычным своим суровым выражением:

— А что ты хочешь от этого вора? Может, нашел в мусоре его руку? Проваливай-ка подобру-поздорову, пока не огрел тебя по башке прикладом!

Аббаджа покорно повернулся и сел в тележку. Мул двинулся, еле передвигая ноги и нюхая землю. Отъехав, Аббаджа вынул из-за пазухи отрубленную руку и вдруг стал лихорадочно целовать ее, бормоча что-то...

12

Абу Шеннан остановил «лендровер» перед кофейней Абу Рамши, открыл дверцу и вышел. Волосы его, подбородок и ресницы были покрыты густым слоем пыли. Люди, обратил он внимание, как-то по-особому разглядывают его, но сделал вид, что не замечает этого.

Из кофейни выбежал ибн Аннак. На лице его была написана детская радость.

— Прошу, прошу, Абу Шеннан! Ты осчастливил нас своим приходом. Прошу!

Абу Шеннан вошел, не произнеся ни слова. За ним семенил ибн Аннак, отряхивая пыль с промокшей от пота рубахи гостя...

Два человека, шептавшиеся о чем-то, сразу умолкли. Один из них встал и, не оглядываясь, вышел. Посетители кофейни уставились на Абу Шеннана.

— Принести тебе чаю с мятой?

Абу Шеннан утвердительно кивнул. «Он стал высокомерен, как его господа,— подумал ибн Аннак.— О Аллах! Что творится!»

Абу Шеннан оглядел помещение. Пустые сиденья, грязные столы, к которым липнут мухи. Нет, здесь ничего не изменилось. Сколько зато изменилось в тебе самом. Все... Все твое нутро!

Абу Шеннан вытер лоб грязной ладонью и закрыл глаза. Вот ты уходишь, уходишь и забываешься. Ах, как хочется спать, провалиться в забытье...

Ибн Аннак принес чайник горячего чая. Из носика лениво поднимался пар.

— Чай, как ты просил.

Абу Шеннан протер грязные воспаленные глаза с налившимися кровью жилками. Точно острый перец обжег пламенем язык. Нет, казалось ему, он не в силах больше выносить этот жаркий пот, и эту смердящую жару, и этот пропитанный пылью воздух.

— Тебе надо бы помыться, твои волосы в пыли...

Пыль, пыль... Пыль застилает мои глаза. Все пронизано пылью. Пыль коростой покрыла все тело, грязное и липкое...

Он сидел, злобно и отчужденно сверкая глазами из-под косматых бровей.

— Ты стал видным человеком, Абу Шеннан. Повсюду только о тебе и говорят. Больше даже, чем о Бу Талебе.

Виски, Мистер, Рита, дурная слава, позор, стена молчания... Самийа и Квартал рабов... Гнев закипает в крови.

Абу Шеннан глянул в детское лицо невзрослеющего ибн Аннака и дружелюбно, не повышая голоса, бросил:

— Садись.

Ибн Аннак — ему почудилось, будто он ослышался, — покорно сел и, с опаской поглядывая на Абу Шеннана, налил себе чаю. Абу Шеннан закурил сигарету и, глядя на ее кончик, спросил:

— Где зейдит?

— Ушел на фронт. Говорят, в горы Саида, — ответил ибн Аннак с робкой улыбкой.

Абу Шеннан потер нос:

— А что слышно о Самийе?

Ибн Аннак перестал возиться с тряпкой, которую держал в руке. Лицо его стало серьезным:

— Она по утрам торгует редисом на базаре. Что и говорить, она уже не та, что прежде. В Квар...

Он осекся на полуслове и пристально поглядел на Абу Шеннана:

— ... в Квартале рабов большое несчастье.

Абу Шеннан точно очнулся от сна. С каменным лицом слушал он рассказ ибн Аннака.

— Ибн Амина — он прямо с голоду помирал — накинудся на базаре на разделанную тушу. Его бросили в тюрьму, обвинили в воровстве и отрубили ему кисть руки.

Абу Шеннан, нервно затушив сигарету в стакане с чаем, вскочил на ноги.

Он остановил машину перед лавкой Рафта аль-Идни, когда тот уже собирался закрываться. Вышел из машины... Рафт встретил его сдержанно, в глазах затаился испуг.

— Мне бы немного острого перца.

— Мы уже закрылись. Да и перцу не осталось, — сдержанно ответил Рафт, как бы ни к кому не обращаясь.

Абу Шеннан молча стоял. Как же хотелось Рафту, чтобы его не было здесь. Абу Шеннан подумал: «Его глаза обвиняют тебя. Сколько в них презрения... Неужто после всего ты осмелишься посмотреть в глаза Самийе?»

И снова он мчался по центральным улицам. Вот и аль-Гамиди закрывает свою лавку. Уличные торговцы спешат по домам. Фонарщики зажигают фонари. На углах и перекрестках стоят стражники и полицейские. Всюду бродят бездомные собаки и кошки. А ты — точно муха, упавшая на спину... Не найти тебе прибежища!

Абу Шеннан вернулся в кафе. Столы уже поставлены друг на друга. Ибн Аннак занят уборкой. Увидев вошедшего, он отложил метлу, быстро вымыл руки и подошел с приветствием.

Изнуренный Абу Шеннан вытянулся на стуле, широко, как кушетка:

— Ибн Аннак, я хочу напиться! Помоги мне. Буду пить до утра.

Растерявшийся ибн Аннак чуть не плакал:

— О сын моей матери! Клянусь, у меня нет ничего, кроме чая и кофе.

— Неси тогда черный чай, ибн Аннак! Черный как деготь.

Ибн Аннак печально кивнул головой и побежал разжигать примус. Когда он вернулся с чайником, Абу Шеннан храпел, удобно примостившись на стуле.

— Проснись! — потряс его за плечо ибн Аннак.

Абу Шеннан отозвался не сразу.

— Не надо спать, когда тебя одолевает печаль, — говорил ибн Аннак. — Проснись.

Абу Шеннан выпрямился. Протер глаза, налил чаю, молча стал прихлебывать. Подняв голову, он поймал умоляющий взгляд ибн Аннака, который, казалось, говорил: «Отпусти. Дай мне отдохнуть».

Вдруг у дверей кофейни возникла странная сгорбленная фигура, послышалось какое-то шипенье. Когда она попала в полосу света, ибн Аннак воскликнул:

— Да ведь это мусорщик Аббаджа!

Тот вошел и, не произнеся даже обычного приветствия, опустился на пол перед ними. От него разило дешевым вином. Он бормотал что-то невнятное, понятное ему одному, брызжа слюной. В уголках рта пузырилась пена.

Ибн Аннак сказал с состраданием:

— Иногда он напивается и приходит сюда спать.

Абу Шеннан закашлялся, потом, прихлебывая чай, стал внимательно разглядывать Аббаджу. Тот долго сидел молча, неподвижно и вдруг разразился плачем. Ибн Аннак, наклонясь над мусорщиком, стал успокаивать его.

— Плачет, как грудной ребенок, рыдает, и непонятно, что его мучит, — сказал ибн Аннак, поглаживая Аббаджу по плечу и ласково вытирая ему лоб и волосы.

Аббаджа наконец перестал плакать, зашевелился и, сунув руку за пазуху, вытащил отрубленную кисть со сведенными судорогой пальцами и бросил ее на пол.

Абу Шеннан хотел что-то сказать, но не мог произнести ни звука.

Взгляд его угас, лицо помертвело. Губы задергались. Он почувствовал, как волосы на голове становятся дыбом, а сердце сжимает железный обруч. И охвативший было его животный страх сменила буйная ярость.

Улицы завалены мусором. Вонь затопила город, просочилась даже сквозь стены домов. Груды мусора, ставшие прибежищем для мышей и крыс, окружили собаки и кошки. Мухи роются на гниющих отбросах, а стоит собакам подойти поближе, жужжащею тучей взмывают вверх и садятся на лица людей, на вещи и стены. Пропали с глаз мусорщик Аббаджа, его тележка и тощий мул.

Завсегдатаи заведения Рафта рассказывают, мол, однажды Аббаджа нашел в мешке с мусором отрубленную руку ибн Амины и помешался. Он покинул город и бродит где-то в пустыне и в вади. Кто знает, может, никогда не вернется.

Разговор о мусорщике затих на какое-то время, и Рафт сказал тогда:

— Мне надо сходить на почту. Послать телеграмму дяде в Джидду.— Помолчав, он добавил: — Оставайтесь здесь, не расходитесь, пока я не вернусь,— сел на велосипед и укатил.

Когда он вернулся, люди по-прежнему говорили об Аббадже. Он прислушался к их разговору.

Около полудня перед лавкой остановилось несколько военных машин. Из них высыпали солдаты, вооруженные карабинами, ворвались в лавку, схватили Рафта и перевернули все вверх дном, обыскивая помещение. Потом надели цепи на руки и ноги Рафта и увезли с собой.

В тюрьме, не задав Рафту ни одного вопроса, его повалили на пол, задрали повыше ноги и стали бить толстой палкой по пяткам. Рафт кричал, плакал, молил о пощаде, призывал на помощь и в свидетели всех пророков. Но ничто не помогало. Ноги его распухли, горло пересохло, глаза налились кровью. Когда его кончили бить, он то громко рыдал, то тихонько скулил и плакал. Пришел стражник и выплеснул на него ведро воды. Дрожа от холода и боли, Рафт забился в угол. С трудом пытался он собраться с мыслями, чтобы понять, что происходит.

Когда он почти обсох, вошел Абдо, привычным движением резко поднял его, ухватив за волосы, и с силой толкнул вперед.

Спотыкаясь, Рафт побрел куда-то, пока не очутился в залитой ярким светом комнате. Когда глаза его, привыкнув к свету, стали различать предметы, он увидел за столом человека в очках и ощутил, как страх парализует все клеточки его тела.

— Твое дело входит в нашу компетенцию,— сказал Мистер спокойно и ухмыльнулся.

Рафт с трудом проглотил слюну, подавляя желание упасть на пол.

— Твое имя?— резко спросил Мистер.

— Рафт.

Он поднял глаза на сидящего перед ним человека.

— Имя отца?

— Абдель Муата,— ответил Рафт и снова кинул взгляд на допрашивающего, на его глаза и стиснутые челюсти.

— Имя матери?— Глаза впились в лицо Рафта. Какой жестокий взгляд! Рафта охватывает ужас.

— Газала,— едва выдавил он.

— Когда приехал в Саудовскую Аравию?

— Год назад.

— Есть у тебя вид на жительство?

Рафт утвердительно кивнул.

Мистер помолчал, перебирая перед собой бумаги. Рафт почувствовал, как его руки, висевшие плетьюми, вдруг покрылись холодным потом. И, поддавшись новому приступу страха, он пытался представить себе, что будет дальше.

— Халед Махмуд — твой дядя?

— Да.

— Чем он занимается?

— Он хозяин кофейни в Джидде.— Ужас прошел. Рафт заставил себя разжать пальцы и отвечать спокойней.

— Ты посылаешь ему утром телеграмму?

— Да, послал,— ответил Рафт и подумал: какое отношение телеграмма имеет ко всему, что происходит с ним здесь?

— Что ты писал в ней?

— Господин! Недавно я просил его прислать с кем-нибудь, кто собирается к нам в Наджран, формы для перца. Но он почему-то не прислал. А время не ждет. Вот я и дал ему телеграмму

с просьбой выслать эти формы.

Мистер ударил кулаком по столу и закричал:

— Ты врешь!

С ужасом Рафт представил себе, как этот кулак обрушивается на его голову, и с трудом произнес:

— Почему, господин?

Мистер показал ему копию телеграммы:

— Смотри. Ты просишь прислать бомбы.

— Бомбы? — Он снова поглядел на текст и увидел, что действительно перепутаны буквы и вместо «формы» написано «бомбы».

Охваченный страхом, Рафт испуганно уставился на Мистера:

— Господин! Я всего лишь торговец перцем. Я готовлю перец в круглых медных формах. Таких нет в Наджране. Вот я и попросил дядю прислать мне несколько штук... Я знать не знаю ни о каких бомбах, не представляю даже, как с ними обращаться.

Мистер молча раскурил трубку. Кольца дыма поплыли по комнате.

— Мне все ясно. Ты хотел продать оружие,— сухо и бесстрастно сказал он.— Скорее всего, ты договорился с кем-то об отправке его в Сану*. Конечно, тайком. Разве не так? — Мистер на какое-то мгновение замолчал, сделал глубокую затяжку из трубки и уставился на Рафта, пытаясь определить, какое впечатление произвело на него последнее обвинение, а затем продолжал:— Вначале ты, ясно, станешь все отрицать. Но мы, будь уверен, хорошо знаем, как вырвать у тебя признание. Не забывай, если сам все расскажешь, добровольно, так сказать, без принуждения, то тем самым ты облегчишь и нашу задачу, и свою участь.

— Господин!..— прохрипел Рафт.

Мистер грубо оборвал:

— Я не жду от тебя ответа немедленно. У нас еще будет возможность увидеться.

* Сана — столица Йеменской Арабской Республики.

Вернулся Абдо, снова ухватил Рафта правой рукой за волосы и с силой вытолкнул из комнаты.

В камере так темно, что не видно собственных пальцев, поднесенных к глазам. Едко пахнет мочой и гнилью. Рафт всматривается в темноту, но ничего не может разобрать. Темнота, словно огромный бык, навалилась и придавила его. Вдруг, споткнувшись о что-то, он чуть не упал, ощутив разом и ужас, и боль — такую резкую, будто в него вонзилась тысяча игл.

Мир точно перевернулся вверх тормашками. Рафт сел на мокрую голую землю. Прислонился спиной к стене. Боль усилилась и стала невыносимой — казалось, свежую рану посыпали солью. Откинул голову к стене... Что же случилось и что будет дальше?

Он задавал себе этот вопрос и раньше, не находя ответа. Почему они придумали мне такое обвинение? Разве все происходящее — не безумие? Голова раскалывалась от боли. Хорошо бы уснуть! Но глаза его уже начинали привыкать к темноте.

— Ты кто? — едва слышно сказали совсем рядом.

— Говори тише, чтобы не услышал надзиратель, — прошептал другой голос.

— Кто ты? — настойчиво переспросил первый.

Рафт всмотрелся в темноту. И тут он разглядел, что камера полна людей.

— Я Рафт аль-Идни, — совсем тихо произнес он. Говорить громче не было сил.

Несколько голосов одновременно переспросили:

— Продавец перца?

Рафт кивнул головой, словно люди могли увидеть его, и, несмотря на сильную боль, почувствовал какое-то облегчение.

— За что тебя посадили?

Рафт протер глаза (они чесались и болели, как будто их запорошило песком) и ответил:

— Да вот, обвинили в продаже оружия. Надо же...

Внезапно за стеной раздался пронзительный крик и размеренный свист бича. Рафт задрожал. Сердце учащенно забилося, переполненное страхом. Крик усилился, потом перешел в хрип-

лый тяжелый стон, и, наконец, наступила тишина. Леденящая, дышавшая ужасом тишина.

— Бросили в колодец крови,— сказал кто-то.

Больше никто не произнес ни слова. В камере воцарилось долгое гнетущее молчание. Потом кто-то подполз к Рафту и прошептал:

— Что там на воле?.. Какой цвет неба? Каков вкус воды и как пахнет воздух?.. Как дела в квартале? Был ли дождь?.. Я ибн Амина. Ты знаешь меня. Говори, не бойся... Ты слышал что-нибудь о Фатиме?.. Знают ли там, что мне отрубили руку?.. Почему ты молчишь? Скажи мне, прошу тебя, скажи только, что Фатима здорова и в Квартале рабов все хорошо. Что когда-нибудь они придут навестить меня... Пусть это неправда, все равно скажи, обрадуй меня... Ты плачешь? Плачь, кто знает, может быть, слезы принесут тебе утешение, дадут тебе силы выстоять...

14

Самолеты бомбили позиции эмира. Гремели взрывы. Вздыхались языки огня. Жители Квартала рабов поднялись на крыши хижин, некоторые забрались на пальмы. Куда ни глянь, всюду черные клубы дыма.

Через дыры в стенах, из-под двери тянуло холодом. Абдель Муата вытер покрасневший от насморка нос, откашлялся и сплюнул, глядя, как рвутся вдали бомбы.

— Идет бой. Бу Талерб и его люди попрятались небось, как овцы, от страха, а египетские самолеты знай себе бомбят и бомбят.

Самийа разожгла огонь в очаге, села, потирая над ним руки, и зашептала заклинания.

Отец Абдель Муаты ощупал свой раздувшийся живот:

— Дожить бы до окончания этой войны!

Ветер разметал по земле колоду карт. Старухи толпились возле репродуктора, слушая сводку новостей из Эр-Рияда. Фатима, жена ибн Амины, дрожала в своем жилище от страха и холода. У нее не было даже масла, чтобы зажечь лампу.

Абдель Муата спрыгнул с крыши, вошел в лачугу к Самийе,

поздоровался и уселся на корточки возле огня. Она, словно не заметив его, все так же молча смотрела на потрескивающие в очаге дрова, на разлетающиеся искры.

— Матушка Самийа!

Она подняла голову. Блики огня осветили ее смуглое лицо.

— Матушка... Разве ты не слышишь, как рвутся бомбы? Это в горах Саиды идет большой бой.

Отблески пламени плясали на неподвижном лице.

— Матушка! Послушай меня, пожалуйста.

Самийа подняла свои усталые, полные печали глаза.

— Матушка! Вчера в квартал приезжал водитель грузовика с линии, что на Джидду. Знаешь, он спрашивал Абу Шеннана.

Самийа лишь глубоко вздохнула в ответ.

— Матушка! Он сказал мне, что ищет его по очень важному делу. Я спросил зачем. Но он ответил, мол, никому другому сказать этого не может. Абу Шеннан, объяснил я ему, уехал по делам, но должен скоро вернуться. Тот человек обещал непременно заехать к нам еще раз. Сам не знаю, матушка, почему я сказал ему, что Абу Шеннан уехал. Понимаешь, я не мог ответить иначе.

Отсветы пламени по-прежнему отражались на лице Самийи, освещенном большими грустными глазами. Издалека доносился приглушенный грохот разрывов.

— И вот сегодня этот человек снова является и спрашивает, не вернулся ли Абу Шеннан. Нет еще, сказал я. Он очень огорчился, просто не знал, что делать. Я пригласил его выпить чаю, но он попрощался и уехал, будто торопился уйти от погони.

Самийа печально покачала головой. Может, она вспомнила что-то...

— Это был хиджазец, матушка! Ручаюсь тебе. И знаешь, когда он смотрел на меня, мне показалось, будто на меня смотрит сам аль-Йами. Не должны ли мы сделать что-нибудь, как ты думаешь?

Вдруг Абдель Муата закричал, простирая над головой сплетенные руки:

— На нас падает бомба!

Самийа, не подняв головы, спокойно, не повышая голоса сказала:

— Не бойся, это не бомба. Начинается гроза. Пришло наконец время дождя.

Упали первые капли, потом зачастили, пока не хлынул ливень. Он громыхал по жестяным крышам, пробиваясь сквозь кроны деревьев, неся с собой свежесть и особенный запах, столь редкий и необычный в этих краях. Самийа взяла кочергу, помешала угли в очаге, глянула на потолок, словно надеясь там что-то найти, и покачала головой:

— Вот он — долгожданный!

Капля упала на голову Абдель Муаты. Он вытер ее рукой.

— Крыша протекает, матушка.

Еще одна капля упала на то же место. Абдель Муата вытер и ее. Его начинало пугать спокойствие Самийи.

Капля дождя упала на угли — и тотчас испарилась.

Абдель Муата, снова вытерев голову, стал смотреть, как вода капает на угли: через несколько секунд среди раскаленных углей образовалось черное пятно.

Самийа сохраняла спокойствие. А может быть, это было вовсе не спокойствие? Уж не безразличие ли? Или ей в этот самый миг что-то привиделось? С пальцев ее свисали четки.

Дождь!

Дождь!

Дождь!

— Матушка, смотри, дождь так и хлещет, словно над нами нет крыши.

В хижине не осталось сухого места. Угли в очаге погасли, пепел смешался с водой. Снаружи послышался шум, потом крик. Кто-то звал на помощь. Абдель Муата поднялся и, наклонившись в дверном проеме, вышел. В лицо ему ударили тугие струи дождя. За ними, как за густой пеленой, виднелись люди — они бегали, кричали что-то.

Самийа внезапно встала:

— О господи! Да ведь это наводнение!

— Наводнение?! — обернувшись, испуганно спросил Абдель

Муата.— Как наводнение? Как же так? — в смятении повторил он.

Самийа торопливо спрятала четки в карман:

— Надо уходить отсюда и как можно скорей.

Она подтолкнула Абдель Муату. Потоки дождя били в лицо, больно хлестали порывы ветра.

— Кричи во всю мочь! — воскликнула Самийа.— Кричи: спасайтесь в аль-Ухдуде!

Началась паника. Со всех сторон слышались вопли, детский плач... Женщины несли на головах скарб, на руках — детей, держа зубами подола платьев.

Абдель Муата вбежал в хижину. Отец в мокрой, облепившей тело одежде трясся от холода и страха. Увидев сына, старик заплакал и пробормотал себе под нос:

— Ну, может, я и проживу еще годок.

Абдель Муата наклонился, взвалил отца себе на спину и побежал по мокрому песку.

15

Небо, будто услышав мольбы людей, откликнулось на них потоками дождя. Он изливался на крыши домов, с шумом низвергался по желобам, сливался с обильными потоками, несущимися с гор. Ничто не могло сдержать напора воды. Она заливала улицы и тротуары, распахивала настежь двери, затопляла дома, прижавшиеся к земле.

Улица аз-Зуйуд. Мужчины, закатав штаны, переступают по воде тощими ногами — роют отводные каналы. Женщины кастрюлями вычерпывают воду со дворов. Ибн Аннак, набросив дерюжный мешок на голову, роет канаву, чтоб отвести воду от входа в кофейню. Сквозь дырявую крышу кофейни вода заливает поставленные друг на друга столы. В углу на кровати растянулся одетый Абу Шеннан. Лицо его помято, глаза налились кровью, волосы взъерошены. От него разит дешевым вином.

Вошел промокший до нитки ибн Аннак. Снял с головы мешок, в изнеможении опустился на стул и дрожащим голосом произнес, смахивая ладонями воду с лица:

— Аллах прогневался на нас! Такой зимы Наджран не видел

уже лет двадцать... Ну и дела...

Немного погодя он снова заговорил:

— Все отдал бы сейчас за стакан горячего чаю...

Абу Шеннан лежал скрестив ноги и с полнейшим безразличием уставясь в потолок. Он смотрел в потолок, и ему казалось, будто он один на всей земле. Он старался вжиться в то, что открылось ему сейчас, посреди утопающего в воде мира, понять этот мир. Но пока ему это не удавалось. С трудом дошел до него оклик ибн Аннака:

— Абу Шеннан! Тебя спрашивают.

У дверей стоял вооруженный босой человек.

— Абу Шеннан! Мистер велит тебе явиться к Бу Талебу.

Абу Шеннан приподнял голову, посмотрел в сторону двери и сплюнул:

— Скажи ему, Абу Шеннан придет, как только кончится дождь.

— Мистер требует, чтобы ты пришел немедленно,— настаивал посланец. Его нечесанные густые волосы топорщились как колючки.

— Я знаю, что делать. Ступай прочь.

Человек ушел. Абу Шеннан встал. Помочился, умылся, причесался. Выпил полчайника чаю. Потом сел в машину, бросив ибн Аннаку на прощание бумажку в десять риалов...

Он вошел в здание представительства Йемена. Охранник приветствовал его поклоном головы. Ноги Абу Шеннана хорошо знали дорогу в кабинет Бу Талеба...

Тот же зал. Что бы ни происходило в мире, здесь ничего не менялось. На стене — портрет имама. Вдоль стен ряды мягких стульев. Мистер вышел из той боковой двери, откуда в прошлый раз выходил Бу Талеб. И так же, как Бу Талеб, сел за стол с флажками Йеменского королевства и дорогим письменным прибором.

Мистер снял очки и стал аккуратно их протирать, время от времени разглядывая стекла на свет.

— Ты не вернулся из отпуска в назначенное время.

Абу Шеннан ничего не ответил. Мистер спокойно продолжал,

глядя на Абу Шеннана в упор, глаза его казались бесцветными:

— Из-за дождя? Не так ли?

Он огляделся, словно видел комнату впервые.

— Немедленно в лагерь! — не ожидая ответа, приказал Мистер. — Введено состояние повышенной готовности.

Надев очки, он продолжил, уже понизив голос:

— В горах Саиды тяжелое положение. Дождь затруднил доставку боеприпасов и продовольствия. Эмир Али ас-Самири этой ночью выступает на помощь войскам Бу Талеба.

Абу Шеннан кивнул.

— Ты должен немедленно возвратиться. Иди.

Абу Шеннан потупился и медленно произнес:

— Мистер. Я хочу попросить тебя об одной вещи. Ты исполнишь мою просьбу?

Мистер набил трубку, закрыл на секунду-другую глаза, затем ответил:

— Если это будет в моих силах.

— Мистер, прошу тебя, очень прошу! Вмешайся, пусть освободят ибн Амину.

— Не забивай себе голову такими вещами, — нахмурившись, ответил Мистер. И сердито добавил: — Ты слышал приказ?

Абу Шеннан, собравшись с духом, твердо посмотрел Мистеру в глаза. Лицо его казалось непроницаемым.

— Хорошо, Мистер! — спокойно сказал он, повернулся и вышел.

Колеса машины почти покрывает вода. Мимо плывут обломки деревьев, бумага, листья, мертвые птицы. Насколько хватает глаз — пустые дома и темное небо. Они навевают тоску и уныние.

Дворники машины отчаянно борются с дождем. Люди идут вброд, приподняв полы одежды. Мужчины несут на плечах детей. Стражники раскрыли зонты. Головы продавцов перца покрывают мешки. Чихнув, Абу Шеннан прибавляет скорость. Он не смотрит на спидометр. Машина, рассекая встречный поток, ползет, поднимая буруны пены. Скорее в Квартал рабов...

Он свернул, и машина, до половины погрузившись в воду, по-

теряла управление. Но мотор не заглох. Натужно ревя, машина с трудом пробилась сквозь бурный поток.

Казалось, на месте Квартала рабов не осталось ничего. Вода сорвала жестяные листы, разбросав их по песчаным островкам, разрушила все хижины... Машина встала. Абу Шеннан с изумлением осмотрелся... В этом царстве горя сохранилась одна-единственная пальма. Он не мог оторвать от нее глаз. Большие черные птицы летали над водой, почти касаясь крыльями бушующего потока.

16

На следующий день... В небе опять мелькают самолеты. Бледный свет проникает сквозь узкое оконце наверху. Надзиратель кидает через решетку несколько лепешек и горсть фиников. Рафта больше не допрашивают, не бьют. Следствие, видимо, закончилось. И кровь на израненном теле начала подсыхать. Подошел ибн Амина с финиками в руке и лепешкой под мышкой.

— Ешь, брат. Нам надо выжить.

Рафт берет финик, кладет меж зубов. И перед ним неожиданно возникает образ матери. Она с нетерпением ждет почтальона; тот наконец приходит, но отрицательно качает головой. Мать поправляет белый платок на голове и смахивает слезу.

— Тюрьма на чужбине — это большой позор! Правда, Рафт?

Рафт прислоняется головой к стене. Несколько человек, приговоренных к пожизненному заключению, валяются на полу. Они пребывают в отрешенности: кажется, их не касается ничто вокруг. На перерубленной у запястья руке ибн Амины образовались рубцы.

— Тюрьма есть тюрьма...

Воняет мочой. Сырость, отбросы, вши и грязь, забивающая все поры... И ожиданье, ожиданье. Когда все это кончится?!

— Вроде дождь наконец прекратился.

— Нам-то что? Все равно никто не придет.

— А бои в горах не прекращаются...

— Солнце... Смотрите.

— Солнце! Какое оно, солнце? Я уж и забыл, как оно выглядит.

— Тише! Идет стражник.

Раздался взрыв — и земля разверзлась. Надрывно выли реактивные самолеты... Новый взрыв! Еще сильнее первого. Узников обуял ужас. Взрывы грохочут один за другим.

— Они бомбят лагерь национальной гвардии! — закричал ибн Амина. И тотчас на него обрушился удар такой силы, что ему показалось, будто что-то взорвалось в голове и череп раскололся на части. С трудом он поднял голову. Камера была наполнена пылью. Наверно, бомба пробила широкую брешь в стене: сквозь дым и столбы пыли виднелся огненный шар солнца. Ибн Амина вскочил и радостно завопил:

— Бежим из этой могилы!

Потянул за рубаху Рафта:

— Пошли!

И ибн Амина побежал, закрыв глаза, а за ним по родной мягкой земле, полной сострадания к людям, бежал, собрав последние силы, босой Рафт.

Они остановились, едва дыша. Ибн Амина опустился на колени, а Рафт лег навзничь, скрестив руки над головой.

Огонь и дым остались позади. Тюрьма и унижение — тоже. То и дело откуда-то из-за холмов возникали самолеты, парили в воздухе, камнем падали к земле и снова взмывали ввысь. Земля сотрясалась от взрывов бомб. Столбами поднимался густой черный дым.

— Надо уйти подальше отсюда.

— Пить хочу.

— Я знаю место, где мы найдем воду и пищу.

— Они бомбят войска имама.

— Это хорошо. Они открывают нам путь!

Пески, пески, насколько хватает глаз. Они затвердели, как только сошла вода, и, кажется, хищно раскрыли пасть, готовые проглотить каждого, кто осмелится сделать хоть шаг вперед.

Больше не слышно гула самолетов. В небе — одни орлы. Они тяжело, словно нехотя, взмахивают большими темными крыльями и кричат, камнем обрушиваясь на свои жертвы. Их резкие, пронзительные крики внушают ужас и словно предостерегают от беды. В колючем кустарнике снуют быстрые ящерицы и вараны. Желтый шар заходящего солнца испускает бледный, медленно меркнувший свет.

В полном изнеможении, молча идут они, едва волоча распухшие ноги. Солнце заходит за линию горизонта, и тьма выплывает из своего укрытия.

— Давай отдохнем хоть немного, не могу больше,— предлагает Рафт, когда совсем стемнело.

Ибн Амина ничего не отвечает и не замедляет шаг.

Рафт вытирает потрескавшиеся губы и неуверенно спрашивает:

— Что же случилось? Ты понимаешь, ибн Амина?

Пройдя еще несколько шагов, останавливается и ибн Амина и, словно очнувшись, спрашивает и сам:

— А правда, что произошло?

Он садится, потом растягивается на земле и, обломив веточку, грызет ее. Рафт пристраивается рядом.

— Наверно, самолеты бомбили лагерь национальной гвардии,— сказал он.— А на нас бомбы упали случайно.

Ибн Амина не отвечает ни слова. Они разом, словно по команде, встают и продолжают свой путь.

— Смотри: это уже Саида.

— Не может быть.

— Клянусь честью, это Саида.

Как в волшебном сне пришли к ним в эту ночь и страх и радость. Они пустились бежать вниз по склону, подобно скатывающимся по стеклу каплям дождя.

17

Лагерь. Военный лагерь.

Во всем ощущается боевая готовность. Люди рассредоточены по пещерам и землянкам на холмах между скал. В помещениях

лагеря остались одни радисты. Высоко в небе летит самолет-разведчик. Так высоко, что кажется не больше булавочной головки. За ним тянется тонкая белая нить, которая надолго зависает в небе.

Абу Шеннан лежит в тени дерева. Рядом Рита открывает банку консервов. Вид у нее утомленный, она бледна. Всех других женщин по приказу Мистера перевели на основную базу.

Больше часа прошло в молчании. Наконец Рита открыла рот:

— Мистер сказал, что эмир ас-Самири попал в плен.

— Я так и предполагал,— невозмутимо ответил Абу Шеннан.

Рита выложила содержимое банки на тарелку и придвинула ее к Абу Шеннану.

— Как ты думаешь, будут они бомбить Абу Иршаш?

Абу Шеннан посмотрел на блондина, стоявшего невдалеке у зенитного орудия, замаскированного ветвями деревьев.

— Кто знает?

— Все стали такие нервные. Везде напряженность, тревога!— И, помолчав немного, спросила:— Поешь со мной?

После обеда подрались два наемника.

— Ну вот, я говорила тебе, все взвинчены до предела.

Подошел радист и что-то прошептал Рите на ухо.

— Не может быть!— удивленно сказала она.

— Они требуют, чтобы лагерный врач приехал в Наджран и помог принимать раненых.

Абу Шеннан поднял голову и почти закричал:

— Рита! Рита! Прошу, выслушай меня. Мне все здесь обрыдло. Я презираю себя, ненавижу...

Рита внимательно посмотрела на него.

— Что случилось?

Она ждала ответа.

— О боже!— закричал он в припадке ярости. Словно многолетний нарыв лопнул у него в сердце.— Неужели ты не понимаешь! Я по горло сыт всей этой грязью!

Рита отшвырнула стоявшую перед ней пустую тарелку.

— Ты только и норовишь каждый раз унижить меня, оскор-

бить,— раздраженно сказала она.— Что я тебе сделала?

Абу Шеннан снова обреченно вытянулся на земле, положил голову на траву и зажмурил глаза.

Рита поднялась и быстро ушла, кинув на него тяжелый взгляд. Лицо ее стало каким-то чужим.

Вечер. Темное безлунное небо. Квакают лягушки. Порывы ветра приносят шум самолетного мотора. Абу Шеннан всматривается в вершины гор, потом переводит взгляд на силуэт человека, застывшего у зенитного орудия. За скалой кто-то насвистывает. Вдруг по земле загремела пустая консервная банка. В другое бы время никто не обратил на это внимания, но тут все вздрогнули, встрепонулись и застыли в ожидании. Кто-то закурил, пряча сигарету в ладони. Лягушки...

— Абу Шеннан, ты не спишь?— раздалось из темноты. Рита направила на него луч карманного фонарика. Абу Шеннан приподнялся на локтях. Рита потушила фонарь, присела рядом.— Иногда ты бываешь слишком груб...— И, помолчав, она добавила:— Мистер приказал мне делать все, лишь бы ты был доволен.

— С чего это вдруг Мистер так заботится обо мне?

— Он возлагает на тебя большие надежды.

Грохнули выстрелы. Рита вздрогнула и тесней прижалась к Абу Шеннану.

— Стреляют. Наверно, что-то случилось.

— У страха глаза велики.

— Может быть, змей отпугивают или гиен.

Абу Шеннан отодвинулся от Риты, вытер губы ладонью.

— Пить хочется...— И после короткого молчания, вздохнув, спросил:— А все-таки почему Мистер так печется обо мне?

Рита зашевелилась в темноте, но не ответила.

Может, она заснула? Он не видел ее лица и не мог проследить ход ее мыслей. Но вдруг услышал ее голос:

— Послушай, Абу Шеннан. Я дам тебе дружеский совет. Ты должен знать свое место. Очень уж ты возомнил о себе...— Голос Риты звучал холодно и недружелюбно.— Ладно, так и быть, скажу,— продолжала она еще тише.— Мистер соби-

рается послать тебя на курсы в Европу. Если это выгорит, считай, тебе крупно повезло. Ты вытянул счастливый билет. Ты хоть понимаешь, что это для тебя значит?

Абу Шеннан улыбнулся спокойно.

— Слушай, Рита, не надо нервничать,— последнее слово он произнес нарочито отчетливо.— Скажу коротко: никуда я не поеду. Мне все надоело. Сыт по горло. Не могу больше.

— Что с тобой?— опять рассердилась Рита. В голосе ее звучало осуждение: нет у них ничего общего, что помогло бы ей понять Абу Шеннана.

— Хорошо, я растолкую тебе,— продолжал Абу Шеннан с прежним спокойствием.— В ад-Димаме я видел один американский фильм. Герой его приехал в Африку охотиться на носорога...

— Какое это имеет отношение к нашему разговору?

— Не перебивай... Самое трудное наступило, когда носорог попал в сети. Он не хотел сдаваться. Не желал уступить, покориться. Носорог — он всегда носорог. Он оглушительно ревел. Бился изо всех сил. Бросался в разные стороны, стараясь разорвать сеть. Но люди с помощью машин умудрились связать носорога. И на пароходе его отправили в Америку.

— А что потом?

— Потом животное продали в зоопарк, и там нашли способ усмирить его. Через месяц-другой он уже смиренно сидел в клетке, а вокруг толпился народ, разглядывая его и бросая ему иногда объедки.

— Интересно. Ну и что из этого?

— Так вот, зритель как-то заметил, что носорога временами охватывает бешенство. Тогда он оглушительно ревет, кидается на решетку, роет копытами землю. Его страшная сила сотрясает все вокруг... Но потом он смиряется. Ложится на землю, дрожа всеми мускулами, с глазами, полными слез...

Несколько секунд Абу Шеннан молчал, может быть подавляя в себе желание зарыдать, потом повернулся на живот, стукнул кулаком о землю.

— Ты понимаешь, почему на него находило такое? Да потому что в нем просыпался дикий зверь, тоскующий по Африке, по

всем этим болотам, порогам, ореховым деревьям, по тропическим вечерам, по диковинным травам, наконец...

Их обдало волной холодного воздуха, заколыхались ветви деревьев. Абу Шеннан вытер лицо ладонью и тихо договорил:

— Носорог тосковал по озерам, по бою барабанов в деревне, по простору...— Абу Шеннан выплеснул тяжесть, накопившуюся на душе.

Рита резко вскочила, зажгла фонарик и, не сказав ни слова, растворилась в темноте.

18

— Ибн Амина и Рафт аль-Идни бежали из тюрьмы. Им повезло — теперь они находятся в республике. Они уже выступали по радио Саны,— сообщил Самийе по секрету Абдель Муата.

Он узнал о судьбе своих друзей от одного из жителей аль-Ухдуда, а тому рассказали о них дети аль-Хисри со слов директора школы. Ну, а директору поведал новость аль-Гамиди, услышавший ее от ибн Аннака, который, в свою очередь, ссылался на Ребаб. А уж Ребаб собственными ушами слышала ее от начальника канцелярии Бу Талеба, которому доложил о происшествии стражник Абдо — тот самый Абдо из тюрьмы; он был легко ранен во время бомбежки.

Бои и волнения продолжались. В госпиталь Наджрана привезли новую партию раненых. В здании представительства королевского Йемена взорвались бомбы замедленного действия. После неудачных боев в горах раненый Бу Талеб возвратился в Наджран.

Почти постоянно над Наджраном появляются самолеты. Казалось, у них нет другого маршрута. Аль-Гамиди покинул город и уехал в провинцию Бани Гамед. Галию ас-Самири со служанкой Ребаб отправили в Джидду, во дворец аль-Кандра. Жен эмира перевели в летний дворец в Таифе. Глава Общества охраны веры и нравственности укрылся в своем поместье в аль-Касьме (область Неджд).

Осел катается с боку на бок в пыли; собаки рвут на части

смердящую пададь; крысы вышли из нор и снуют по площади, где не осталось уже ни людей, ни зерна, ни зубочисток, ни палок охранников. Взошло яркое горячее солнце, и крепчает смрад от отбросов и гниющей воды. На окнах лежит толстый слой пыли. Лавка Рафта опечатана большой красной печатью. Верховный судья, запершись в своем доме, положился во всем на волю Аллаха. Он никуда не выходит, и его никто не посещает. Ибн Аннаку приходится беседовать только с самим собой да со своими столами.

С окраины прибежал Абдель Муата, придерживая зубами край одежды. Шнурок его широких штанов развязался. В харчевне аль-Хисри он спросил у человека, сидящего за кассой:

— У вас не было Абу Шеннана?

— Он теперь сюда не заходит. Времена не те.

Абдель Муата побежал дальше, снова прихватив зубами край одежды. У здания представительства Йеменского королевства стояла санитарная машина. Выносили раненых. Охранник безуспешно пытался разогнать толпившихся вокруг людей. Абдель Муата подошел к человеку, который ел финики.

— Мне нужен Абу Шеннан.

Человек выплюнул косточку:

— Он там в доме, у Мистера.

Абдель Муата подошел к охраннику, тот устал уже разгонять людей.

— Мне бы увидеть Абу Шеннана, да продлит Аллах твою жизнь!

Санитарная машина пронзительно просигналила. Толпа разбежалась, и машина, заскрежетав, рванула с места, поднимая густое облако пыли.

Абдель Муата протер глаза и снова обратился к охраннику:

— Мне нужен Абу Шеннан.

Стражник грубо спросил:

— Чего хочешь от Абу, ты...

Он не кончил фразу. Послышался гул летящих самолетов, и люди, собравшиеся перед зданием, бросились кто куда.

— Мотай отсюда, осел! — закричал стражник.

Абдель Муата повернулся и быстро пошел прочь. Гул самолетов нарастал. Абдель Муата прибавил шагу, потом припустил бегом вслед за какими-то прохожими... Вокруг падали бомбы, и земля сотрясалась под ногами. Из соседнего квартала доносились пронзительные крики. Людная улица вмиг опустела. На ней остался лишь чей-то молодой осел, он скакал на месте и брыкался задними копытами.

Вдруг гул самолетов оборвался, и воцарилась глубокая тишина, не нарушаемая ничем и никем. Никто не смел даже высунуться из окна. Босой Абдель Муата пошел дальше, усталый и голодный. Вот и кофейня ибн Аннака. На тротуаре стояла запыленная военная машина. Абдель Муата сразу ожил, поняв: наконец он нашел того, кого искал.

На тахте с мундштуком кальяна во рту молча сидел Абу Шеннан, на полу перед ним — бледный, напуганный ибн Аннак.

— Абу Шеннан! — громко крикнул Абдель Муата. — Ну, слава Аллаху, я отыскал тебя.

Абу Шеннан вскочил, обнял Абдель Муату, усадил его на тахту. Прикрикнул на ибн Аннака, обругав за трусость, и велел приготовить чай.

— Где вы все? Как наши? Как моя дорогая Самийя?

Абдель Муата промолчал, сдерживая слезы.

— Говорят, все сейчас в аль-Ухдуде.

Абдель Муата кивнул:

— Да. Но я пришел к тебе по важному делу; не стоит сейчас говорить о другом.

— По какому делу? — пододвинулся к нему Абу Шеннан.

— Несколько раз приезжал и спрашивал тебя шофер грузовой машины из Джидды.

— Чего он хочет? — немедля отозвался Абу Шеннан.

Абдель Муата продолжал тем же приглушенным голосом:

— Сперва он только спрашивал тебя, ничего не объясняя. Но потом мы вроде подружились, и в последний свой приезд он сказал, зачем ты ему нужен.

Абдель Муата снова огляделся и прошептал:

— Он приезжал от Мушана.

— Мушана?!

Мушан! Вот так новость! Абу Шеннан прикрыл глаза, вспоминая...

Все началось там, в ад-Димаме. Профсоюз. И борьба. И листовки. А потом тюрьма, ссылка, репрессии. Разве можно забыть эти годы?

Абу Шеннан вспомнил и то чувство гордости, удовлетворения, которое так его согревало, когда Мушан говорил с ним о его работе.

— Он просил передать, что Мушан недавно вышел из тюрьмы и хочет встретиться с тобой в Джидде,— прошептал Абдель Муата.

Абу Шеннан, закулив сигарету, на какое-то время отключился опять.

...Тогда в ад-Димаме он пережил какой-то особый подъем. Он работал в местном профсоюзе, участвовал и в борьбе рабочих с директором-американцем. Его не испугали ни приклады, раскалывавшие головы, ни арест, ни увольнения. Он был счастлив, потому что благодаря Мушану, не прекращавшему борьбы даже за решеткой, обрел веру в будущее.

В памяти возникают еще какие-то светлые образы прошлого. И все они связаны с Мушаном.

— Мушан! Мушан! Дорогой. Как я могу забыть тебя?..

— Что ты говоришь, Абу Шеннан?

Он понурился, обхватив голову руками. Ибн Аннак принес чай. И по-прежнему озирался по сторонам, продолжая дрожать от страха.

19

По городу ползли зловещие слухи. Самолеты бомбили дворец эмира. По улицам бродили покалеченные в боях. Они выпрашивали милостыню, продавали оружие, боеприпасы, резиновую обувь.

Средь бела дня чинились грабеж и разбой. Стражники и охранники боялись появляться ночью на улицах. Однажды ночью на тротуар выбросили несколько трупов. Повсюду грязь и мусор. Дом эмира ас-Самири загажен; туда водят мальчиков.

Слухам нет конца. Прошел слух, будто в город проникло несколько групп республиканцев. Они ведут разведку, того и гляди начнется наступление. Ибн Аннак только и знает, что дрожит от страха. Верховный судья, который долго никуда не выходил и никого не принимал у себя, с первыми лучами зари покинул город в тележке, запряженной лошадьми. Глубокое отчаяние охватило многих.

Мусорщик Аббаджа, рассказывали в кофейне Абу Рамши, уйдя из города, поселился в пещере в горах и бродил по пескам. Однажды он подошел близко к лагерю Абу Иршаш. Часовой-иностранец окрикнул его и, когда тот не остановился, дал по нему автоматную очередь. Бедный Аббаджа упал, обливаясь кровью. Говорят, что труп его бросили в пещеру поблизости. Когда же он раздулся, стал смердеть и в нем завелись черви, Мистер послал туда людей, которые сняли с костей остатки мяса. Скелет же, по слухам, Мистер хранит у себя.

В кофейне Абу Рамши сидит на полу зейдит. Он вытянул свою единственную ногу. Другую у него совсем недавно отрезали. Он небрит, глаза налиты кровью и сверкают, как два раскаленных угля.

— А что было потом? — нетерпеливо спрашивает ибн Аннак, не сводя с него глаз.

— Поднялись мы на гору, на самый гребень, Бу Талерб забрался на вершину скалы, откуда все видно, снял с ноги ботинок, поднял его повыше и крикнул: «Видите мой ботинок? Так вот, этим ботинком я буду бить по морде каждого, кто побежит с поля боя». Потом он вытащил пистолет — и тут такое началось! Рвались снаряды, строчили пулеметы. А потом весь горизонт закрыли самолеты — их было видимо-невидимо — и начали бомбить нас. Мясо смешалось с камнем... До того, как осколки раздробили мне ногу, я увидел самого Бу Талеба, бежавшего во всю прыть босиком...

Зейдит спрятал лицо в ладонях и разрыдался.

На уличных перекрестках больше не видно стражников. Пронесся слух, будто с юга приходят какие-то призраки, рубят

стражникам головы и снимают с них скальпы. Однажды утром на дороге Наджран — аль-Муфджа видели три головы, насаженные на телефонные столбы.

Слухам не было конца. Рассказывали, будто крысы величинной с кошку ночью напали на одну семью, покусали всех и заразили чумой. Трупы их якобы тайно сожгли в больнице.

Мистер появлялся в городе только днем и в сопровождении не менее четырех охранников. Абу Шеннан не вернулся в лагерь и снова бродил по городу. Часто он пил чай у ибн Аннака. Ночью, когда он вытягивался на тахте и закрывал глаза, перед ним словно в тумане появлялся Мушан, смотрел насупившись и звал к себе. Стоило открыть глаза — и видение исчезало. Но голос! Голос Мушана продолжал звенеть в ушах. И хотелось вскочить и скорее бежать из кофейни... Потом Абу Шеннаном снова овладевало душевное смятение, неуверенность в себе, и он забывался в каком-то полусне.

20

Бледный свет в темноте пустыни. В котелке на углях медленно варится рис. Откуда-то доносится печальная песня. Все сидят в торжественном молчании.

Абу Шеннан закуривает сигарету, прислоняется спиной к колесу огромной грузовой машины. Шофер наполняет флягу водой из канистры, а Абдель Муата сидит на корточках, уперев подбородок в колени.

На небо восходит молодая луна; становятся видны бесконечно далекие звезды. Время от времени набегает ветерок и приносит запах арака. Там, куда не достает лунный свет, мрак кажется еще гуще. Оттуда доносится вой волков. Абу Шеннан отгоняет от себя вспыхивающих в лучах света насекомых и непрерывно курит. Взгляд его устремлен в черную даль ночи.

Вдруг он поворачивается к шоферу:

— Я еду с тобой.

Абдель Муата поднимает голову. Шофер, ничего не отвечая, усердно мешает рис.

— Я поеду с тобой,— повторяет Абу Шеннан.

— А как же Мистер, Бу Талев и та христианка?— спрашивает Абдель Муата.

Абу Шеннан молчит. Шофер накрывает крышкой котелок, снимает его с камней:

— Готово! Давайте есть.

Руки тянутся к еде. Абу Шеннан берет рис, сжимает его в горсти, подносит ко рту и с наслаждением жует.

Абдель Муату так и подмывает вдруг пуститься в пляс. Плясать под перестук барабанов и петь до самого утра. «Дан... дан...» Он вскакивает и кричит:

— Радуйтесь, люди в нашем квартале!..— Потом высоко подпрыгивает и кричит еще громче:— Радуйся, наша матушка Самийа!

— Да перестань ты. Ешь лучше. Нас никто не должен слышать,— останавливает его шофер.

Абу Шеннан тянет руку к большому куску мяса, виднеющемуся в лунном свете. Шофер берет кусок с другой стороны, и тот разрывается надвое.

— Бедный ибн Амина!— говорит Абдель Муата, вяло жуя мясо. И, вонзив в него зубы, словно кусая кого-то, добавляет:— Ведь он откусил только кусочек сырого мяса, крохотный кусочек...

— Он там сейчас,— говорит шофер, облизывая пальцы.

Абу Шеннан пьет из фляжки, потом бурчит, словно обращаясь к самому себе:

— Ничего не хочу знать. Только бы скрыться отсюда. И точка.

— Я бы теперь, если вы не против, пошел домой,— поднимается Абдель Муата.

— А стражники? Ты что, забыл?— медленно спрашивает Абу Шеннан.

— Их по ночам не сыщешь. Разбегаются кто куда.

— Хорошо,— встает Абу Шеннан.— Я пойду с тобой, прощаюсь с Самийей.

— Поедем завтра, сразу как кончится послеполуденная молитва,— зевая, произносит шофер.

Абу Шеннан кивает и уходит.

Показались первые лучи зари. Они вырвали из темноты холм, у подножия которого лежит аль-Ухдуд. Жалкие лачуги еще спят. Под ногами валяются стреляные ружейные гильзы, осколки снарядов.

— Мне как-то не по себе,— говорит Абу Шеннан.

— Что с тобой?

— Не знаю. Впустит ли она меня? Обнимет ли, как бывало?

— Да что ты, и не сомневайся. Она будет рада тебе,— говорит Абдель Муата. И поясняет:— Я рассказал ей о твоей первой встрече с шофером.

Заслышав шаги, из кустов выскакивают куропатки, отряхивают росу с крыльев и важно бегут по траве.

Вот и торговцы зеленью. От дороги — на ней сохранились еще следы проехавшей здесь машины — тянет пометом.

Самийю он увидел издали. Она пекла лепешки на жестяном листе. Кверху вился дымок. Рядом лежала охапка соломы.

Абу Шеннан остановился. Сердце защемило от жалости. Почудились шелест дождя и свист меча, рассекающего шейные позвонки.

— Ну, чего встал?— спрашивает Абдель Муата.— Пошли.

— Бедная старуха. Плакать хочется при мысли, что бессилён хоть чем-то помочь ей.

И опять ему чудится: ветер гонит песок через пустыню Руб-аль-Хали, а из-за пазухи ас-Садири подымается горячий самум... И Мистер, словно семиголовый дракон, извергает из пасти пламя и пули... Невыносимая боль и печаль!

— Что ж ты стоишь? Идем.

Абу Шеннан сощурил глаза. Аль-Ухдуд утонул в море, исчез в густом мареве. Когда же наконец у земли лопнет терпение и она не станет больше сносить муки и гнет и разверзнется?

— Посмотри на нашу матушку Самийю.

— Самийя — наша бедная мать! У нее нет ничего, только жалость и слезы... Послушай, Абдель Муата! Сотни лет назад

на этих самых камнях Зу-Нувас* сжег тысячи людей, не пожелавших принять иудейскую веру. Окажись при этом мать Самийа, она и тогда бы делала то же, что и сейчас: горевала и плакала, молилась, чтобы подобное не повторилось.

— Абу Шеннан! Ты не пьян случаем? Что же, по-твоему, еще должна была делать наша Самийа?

Глаза Абу Шеннана налились кровью, словно два раскаленных угля, лицо посуровело, ожесточилось, как никогда. Он стиснул кулаки и твердо, с несвойственной ему резкостью произнес:

— Она должна была своими руками...— он запнулся на миг,— своими руками сделать с эмиром то, что он приказал сотворить с ее возлюбленным.

21

Водитель осмотрел машину, проверил, все ли в порядке, сел за руль и запустил двигатель. Абу Шеннан сел рядом. «Ну вот!— сказал он себе.— В путь!»

Абдель Муата энергично махал руками, прощаясь с ними. Машина тронулась с места. Абу Шеннан тоже махнул рукой. За окном понеслись деревья, стаи птиц, люди с корзинами на плечах.

— Куда мы едем?

— Прямо в Саиду. А оттуда в Ибху.

— Прошу тебя, вернемся хоть ненадолго в Наджран.

— Не могу. Мушан просил, чтобы при отъезде нас никто не видел.

Столбы с телефонными проводами, куропатки, небо. Чистое, прозрачное. Натужно урчит двигатель, шофер время от времени поправляет красную повязку на голове. Машина мчится все

* Зу-Нувас — один из царей Йемена, который в 523 г. захватил Наджран. В то время жители города, как и некоторых других областей Йемена, исповедовали христианство, в отличие от царей государства Химьяритов, существовавшего в IV—VI в.н.э. на территории Йемена, и значительной части населения страны, которые исповедовали иудаизм. Захватив город, царь Зу-Нувас потребовал от жителей города перейти в иудейскую веру, угрожая в противном случае сжечь город вместе с его населением. Жители предпочли смерть.

дальше и дальше, прочь от Наджрана. Вдали уже показались голые скалистые горы. Цепь остроконечных скал.

Где-то здесь, над этими скалами, упал и разбился самолет бен Ладена. Здесь, у подножья, тело Риты сливалось с твоим. Здесь, в этих горах, Мистер прячет свои глаза за черными очками. Кошмарные виденья теснят грудь... В памяти всплывает подернутый туманной дымкой лагерь Абу Иршаш, и он ощущает во рту вкус виски.

— Смотри, вон над скалами самолет. Небось опять разведчик,— говорит водитель и сворачивает. Через стекло в кабину ударяет пучок солнечных лучей.

Абу Шеннан прикрывает глаза и откидывает голову на спинку сиденья. «Дорога, дорога,— говорит он себе.— Когда же на твердой земле можно будет стоять уверенно, на обеих ногах?..» Он чувствует головокружение, потом приходит желание выпить хотя бы рюмку.

Машина снова трясется. Абу Шеннан открывает глаза. Сквозь стекло видны все те же зубчатые скалы. Высоко в небе кружит самолет-разведчик размером с булавоочную головку.

Он опять закрыл глаза и забылся... Привиделось, будто Мистер ругает Риту и Бу Талерб отдает приказ стражникам доставить его живым или мертвым. Те разбегаются, ищут его повсюду. А люди в домах говорят: «Абу Шеннан скрылся. Теперь его нигде не найдешь».

Пальмы в Квартале рабов усыпаны плодами. В бедные хижины снова пришла радость...

Абу Шеннан высунул голову из окна кабины и посмотрел назад. Там оставался Наджран. Они удалялись от него. Глядя поверх омытой утренней росой земли, он начал успокаиваться. Пусть поздно, но он снова нашел свою судьбу, а ведь в прошлом она принесла ему столько радости. Теперь же он хотел одного — поскорее увидеть Мушана.

22

В широких одеждах — развеваясь на ветру, они казались и вовсе необъятными,— перебирая в кармане три риала, шагает Абдель Муата. На площади, после бомбежки она почти пуста,

люди обступили стражников. Те избивают палками лежащего на земле юношу.

На крышах соседних домов стоят женщины и тоже смотрят сквозь щелки в черных платках.

— Что он такого сделал?— спрашивает Абдель Муата у аль-Хисри.

— У него нашли коньяк,— отвечает аль-Хисри, орудуя во рту зубочисткой.— Всего одну бутылку.

— Ее украл во дворце слуга эмира и продал ему,— добавляет бродячий торговец с оспинками на лице.

Абдель Муата садится в тени на тротуаре перед лавкой аль-Гамиди и наблюдает за происходящим. Перед ним проходит несколько вооруженных людей. Остановившись, они бросают на него быстрые, подозрительные взгляды. Пробегает стражник с повязкой на голове, из-под мышки у него выглядывает пистолет. Абдель Муата смотрит на часы. Десять часов по местному времени. Он задумывается. Может быть, он думает: где-то сейчас Абу Шеннан...

Подъезжает автобус. Водитель открывает дверцу и зазывает желающих ехать в Хабуну. В мозгу Абдель Муаты промелькнула мысль об отъезде. Он поглядел на горы, закрывающие плотной стеной горизонт, и вспомнил, с каким удовольствием в детстве глядел на птиц, махавших высоко в воздухе крыльями, и не отрывал взгляда, покуда они не скрывались за черными горами. Однажды он сказал отцу: «Я тоже хочу летать! Хочу летать как птица». Отец мягко погладил его по голове и тихо сказал, будто хотел, чтобы слова эти слышал только его сын и никто другой: «Ты еще слишком мал, сынок, чтобы летать!» Он в который раз ощупал три риала в кармане, встал и пошел по улице аз-Зуйуд, почти не встречая прохожих. Знакомая торговка зеленью остановила его и спросила, куда он направляется. «Просто брожу по улицам»,— ответил он... Постоял немного на тротуаре. Съел тарелку бобов с маслом и выпил целый чайник воды.

Проехал еще один автобус. Водитель высунул голову из окна и громко спросил, не надо ли кому ехать в аль-Муфджу. И снова в глубине его души затрепетали, забили крыльями

улетающие птицы... Он вспомнил, как в прошлом сезоне паломник пытался прицепиться к автобусу, шедшему в священный Бейт Уллах, но кондуктор ударил его так сильно, что тот упал и повредил себе ногу.

— Абдель Муата!— вдруг донесся до него голос.

Он оглянулся и увидел приближавшегося на костылях зейдита. Давно не бритое, усталое и помятое лицо его хранило следы боли и страданий.

— Ты не видел Абу Шеннана?

— Нет. А что?

Зейдит покачал головой и заковылял по улице, пока не скрылся из виду. Абдель Муата долго смотрел ему вслед, а потом снова взглянул на часы. Было уже двенадцать, и он подумал: «Абу Шеннан небось подъезжает к Джидде». Он поднял голову и увидел, как в широком просторе неба машут крыльями птицы. Это был добрый знак. Теперь можно было возвращаться в аль-Ухдуд.

Возле хижины Самийи толпились люди. Все возбужденно толковали о чем-то. Голоса сливались, и ничего нельзя было разобрать.

Абдель Муата проложил себе дорогу в самую середину толпы и прислушался.

— Они хотят подать прошение эмиру аль-Ухдуда, чтобы он разрешил нам остаться на его землях,— сказала ему Самийа и возвысила голос:— Только зачем нам писать прошение!..— Все разом умолкли, прислушались.— Мы останемся здесь, чего бы там ни хотел ас-Садири. Пускай вода смыла наши земли и дома. Но по какому праву они выгоняют нас отсюда?

Кто-то стал собирать отпечатки пальцев под прошением.

— Нет, я подписывать не буду!— закричала Самийа, встала и вышла из круга. За ней последовал Абдель Муата.

— Ты куда, матушка?

— Хочу побыть одна,— с раздражением ответила Самийа.

Абдель Муата пристроился рядом и, когда они отошли подалее от людей, сказал:

— Матушка, он уже подъезжает к Джидде.

Лицо Самийи озарила радость. Она покачала головой и что-то забормотала.

— Ах! Как бы и мне хотелось уехать отсюда, повидать мир!— произнес Абдель Муата.

— Надо благодарить Аллаха за то, что он одумался!— Самийа стала читать про себя суры Корана, умоляя Аллаха защитить Абу Шеннана от всех бед и напастей. Когда она кончила, Абдель Муата снова заговорил об отъезде. Самийа внимательно посмотрела на него:— Отъезд, отъезд! Все вы норовите уехать. А здесь кто же останется?

Абдель Муата почесал голову, поправил шапочку и ответил:

— Я хочу уехать, чтобы найти работу. Надо же взглянуть, что там, за этими горами, матушка! Хочу увидеть города, полетать на самолете, поглядеть на электрический свет, на море и пароходы.

Самийа не сводила с него печальных глаз.

— Те же слова слышала я не раз от аль-Йами... Но он всегда возвращался. Какие же все вы разные, сыны мои!— Немного помолчав, она добавила:— Вы — мои сыновья! Вы не прикладываете пальца к прошениям, не просите у эмира разрешения остаться на новом месте... Я знаю, вы любите эту обворованную, столько испытавшую землю. И я люблю ее так же, как вы. Да, и мне бы хотелось уехать. Так почему же я против того, чтоб уезжали вы?

23

Пот и пыль. Веки воспалены. Стекло кабины помутнело. Повязка на голове шофера потемнела от пыли и мелкого песка.

Пот и пыль. Кружится голова, и к горлу подступает тошнота. «Всю дорогу нас трясет как в решете»,— думает Абу Шеннан. Шофер, перехватив одной рукой баранку, протягивает ему сигарету, но курить не хочется.

Вдали за мутным маревом возникают очертания города, словно плывущего в неведомом море.

— Это Джидда! Приехали,— рассмеялся шофер.— Вот она, Джидда... Умой лицо,— говорит он потом, протягивая Абу Шеннану флягу с водой.

Включает радио, и тотчас раздается голос Таляла Маддаха: «О разлука, разлука... как ты долга...»

Тянет влажным духом моря.

Веет запахом чужбины и долгих странствий...

— Как же все-таки еще далеко до Джидды! Вроде машина едет не вперед, а назад!— восклицает Абу Шеннан.

Опускается темнота, и тающий от жары асфальт отражает свет фар. Ослепляя их, стрелой проносятся мимо встречные машины.

Абу Шеннан протирает глаза. Городские огни стремительно приближаются. Шоссе становится все шире, машины, летящие мимо,— все роскошней.

— Джидда... Это она.

Сверкающие огни. Придвинувшееся море. Виллы и высокие дома. Люди. Уличные знаки. Машина останавливается у самого берега, и шофер указывает на здание невдалеке:

— Видишь дом? Вон тот, с балконами. Это гостиница «Ан-Нахда». Переночуешь здесь. А завтра к тебе придет Мушан. Кстати, деньги у тебя есть?

Абу Шеннан утвердительно кивает. Шофер тепло прощается с ним, снова садится в машину и уезжает, оставляя его одного.

Окно комнаты выходит на море. Терпкий соленый запах. Одежда вся влажная и липнет к телу. Слышны гудки кораблей на рейде. Море качает рыбацьи баркасы. Волны с шумом бьются о бетонный волнорез.

Все в голове идет кругом. Все перемешалось. Действительность и воспоминания. И снова в памяти ад-Димам.

Залив сбрасывает свои покровы и шитый золотом укаль*...

Но в Красном море водятся и акулы... Откуда-то в сердце заползает страх.

...Вот мощным фонтаном бьет нефть, и газ извергается в высоту... пылает незатухающий огонь...

...По стоячей воде внезапно разбегаются и исчезают круги...

* Укаль — ремешок, которым стягивают надеваемый на голову платок.

...И вдруг он вообразил — нет, увидел,— как к нему подходит Мушан.

Большоголовый, среднего роста. Обращается к нему. Эта картина возникла перед ним с особенной ясностью.

Кто же, кроме Мушана, может разбудить в человеке мысль?! Заставить его действовать.

...И вот уже корабль дает прощальный гудок.

И ты, как моряк, удаляешься от берега, а на чужбине тебя не ждет ничего, кроме моря, чаек, ураганных ветров и долгих, длинных ночей, наполненных одиночеством.

А в комнате знай себе крутится под потолком фен, бессильный справиться с жарой и сыростью. Абу Шеннан сбрасывает одежду, ложится в постель. Ему хочется забыться и исчезнуть. Разбиться вдребезги — как бутылка, с силой брошенная о камень. Но он берет себя в руки — пробуждается.

И опять...

Скрывающийся под его одеждой человек словно рассечен на четыре части.

...Справа к нему подходит Рита, слева — Мистер. Вдруг палач поднимает тяжелый и острый меч. Город со всех сторон обступают пальмы. Во рвах, как во времена Зу-Нуvasа, тлеют человеческие кости. С окраин Мекки идут и идут нищие.

...Рабы подставляют грудь под пули.

Эмир Табука дарит эмиру аль-Кунфаза охотничьих собак. Жены эмиров покупают парижские духи.

...Ад-Димам нахмурился и посуровел. В его жилах вскипает гнев, а внутри — огонь и свет. Пока их не видно, но скоро сможет увидеть каждый.

...По всему заливу идут нефтеналивные танкеры. Одни танкеры... Их так много, что они с трудом находят место на рейде.

24

Джидда. Теперь они идут по ней в ярком утреннем свете.

Улицы, витрины, роскошные рестораны. И всюду машины. Женщины-европейки переходят улицу. Полицейский-регулирующий поднимает руку, и машины рвутся вперед, словно

стараятся опередить друг друга. По лицам течет пот. Солнце палит нещадно. За высокими сверкающими своей белизной на солнце минаретами прячутся старые дома.

Надо же, ни тебе стражников, ни охранников. Словно их нет вовсе...

Почувствовав голод, Абу Шеннан съел тарелку бобов. Потом направился на текстильный рынок и тайком стал рассматривать женщин, завернутых в черные абы*, вглядываться в их лица, прикрытые легкими и прозрачными, как паутина, платками. Он разглядывал лица торговцев. Откуда только не приезжают они сюда — со всех концов мусульманского мира.

Долго бродил Абу Шеннан. А устав, отыскал себе место за столиком кафе недалеко от квартала, где живет простой люд. Взял кальян и сразу вспомнил ибн Аннака, зейдита и всех своих знакомых в Наджране. Слуга принес чай. Абу Шеннан дал ему полриала и продолжал наслаждаться кальяном... Обильный пот выступил на лице, на шее, под мышками.

По узкой улице проехала роскошная машина, прошли несколько полицейских, продавцы — разносчики прохладительных напитков и разной мелочи. А одежда все плотнее облипала тело.

Абу Шеннан встал и пошел побродить по незнакомым улицам. Он глазел на роскошные витрины, где были выставлены кольца, драгоценные камни, духи, дорогие кожаные чемоданы, европейская одежда, ручки «паркер», персидские ковры, цветные веера, банки со сладостями, швейцарские часы, велосипеды. О боже, чего только не было в этих магазинах.

Жара и влажность усилились, еще сильнее пересохло в горле, обильней потек пот. Взгляд Абу Шеннана упал на вывеску Агентства воздушных сообщений Саудовской Аравии. Он остановился возле витрины. Сквозь стекло видны были служащие — молодые женщины и мужчины в белых рубашках с короткими рукавами — и пассажиры. Абу Шеннан открыл дверь, вошел. На него повеяло спокойствием. Полной

* Аба — накидка, плащ.

грудью вдохнул кондиционированный воздух — словно благодать пролилась внутрь. Сел на мягкое сиденье, утонув в нем, прислонился к высокой спинке и снова стал разглядывать служащих и пассажиров, портрет короля и восточное убранство зала, флаги разных стран, модели самолетов, европейские календари, большие настенные часы, показывавшие европейское время. Ему захотелось пить — выпил холодной воды из графина и ощутил прилив бодрости. Минутная стрелка совершила полный оборот...

Он вышел, и его снова обдало волной горячего, насыщенного влагой и пылью воздуха. В гостинице осведомился у портье, не спрашивал ли его кто-нибудь. Портье отвечал: нет, никто. Комната была раскалена, как жаркая печь. Включил вентилятор. Лопасты закрутились медленно, потом все быстрее, разгоняя мух и ос.

Разделся и сел на край постели. За окном видны море, корабли на рейде, летящие по небу птицы. Послышались запахи отбросов, плавающих на поверхности бухты.

Абу Шеннан растянулся на постели и закрыл глаза. Ему вспомнился ад-Димам, смуглые лица рабочих, подпольный профсоюз... Из-за станков выходит Мушан. На нем защитный шлем, лицо и густая щетина на подбородке испачканы маслом... Солдаты национальной гвардии набрасываются на них с карабинами и железными прутьями... Американцы сидят в кабинетах с кондиционерами, что-то пишут, перебирают бумаги... Песчаная земля питает своей грудью нефтепроводы... На набережной он находит своих товарищей... Мушан исчез за тюремными стенами... Мысли смешались в голове... Все пошло кругом...

Проснулся он уже под вечер. Принял душ. Оделся. И снова пошел бродить по улицам. И опять перед ним витрины, роскошные автомобили, богатые женщины под расшитыми золотом покрывалами, видны только черные, подведенные сурьмой глаза и пальцы рук с покрытыми лаком ногтями. Время от времени покрывала приоткрываются — под ними короткие платья. На витринах духи в самых разных флаконах. Броские вывески

и разноцветные неоновые огни ресторанов зазывают посетителей.

Абу Шеннан почувствовал голод. Голод и одиночество.

В нем снова проснулся зверь. Захотелось выпить. Вдруг движение на улице замерло. Остановили и переход через улицу. Проехал кортеж машин. Движение возобновилось. Абу Шеннан купил сэндвич и направился в Агентство воздушных сообщений Саудовской Аравии.

И снова он уселся на мягкое сиденье, прислонившись к спинке. Достал и съел сэндвич, запил его холодной водой... Минутная стрелка совершила два полных оборота. Абу Шеннан уснул. Очнулся он оттого, что кто-то тряс его за плечо.

— Что ты тут делаешь?

Абу Шеннан открыл глаза и увидел: зал пуст.

— Валяй отсюда и чтоб духу твоего больше здесь не было,— грубо сказал швейцар.

Вышел на улицу. Уже темнело и становилось прохладнее. Пошел в гостиницу, и здесь портье сказал, что на набережной напротив гостиницы его ждет какой-то человек.

Абу Шеннан перешел на другую сторону улицы и услышал из темноты:

— Здравствуй, Абу Шеннан!

Мушан, Мушан! Дорогой друг, явившийся из небытия...

Мушан вошел в освещенный круг. Абу Шеннан увидел такое знакомое и дорогое лицо: черные глаза, смуглая кожа, длинный волос на толстой нижней губе. И опять все смешалось. Но теперь Абу Шеннан чувствовал себя молодым и сильным.

Они идут бок о бок. Абу Шеннан то и дело поворачивает голову, вглядываясь в лицо друга. Мушан заметно постарел. На шее шрам, наверно, от большой раны. Белая рубашка с короткими рукавами. Под мышками пятна пота. Мушан живо и увлеченно говорит, улыбается, вытирает по своему обыкновению длинный нос. Вспоминает друзей, тех, кто умер, пока он сидел в тюрьме, говорит о жидком металле, кипящем в печах, о горячей крови, бегущей по жилам, о горящих, исполненных страсти и веры взглядах...

- Куда пойдём?
- В квартал ас-Сабиль.
- Ты там живёшь, Мушан?
- Там живут рабочие, поденщики, бедняки — все, у кого нет крыши над головой...
- Что ты делаешь?
- Привожу дела в порядок...
- А-а... зачем... я...
- Разве непонятно? Сам знаешь. Когда нет профсоюза, все может случиться. Главное, мы начинаем новую страницу.

Взошла луна. Глаза Мушана блестят на свету. Все вокруг дышит тишиной и покоем. Рядом, рокоча и гневаясь, бьются волны, гоняя нефть и мусор.

Какой-то пароход даёт несколько протяжных гудков.

— Начинается новый путь! — кричит Мушан.

Далеко-далеко, над самым горизонтом, там, куда ещё не пришла ночь, переливаются волны яркого голубого света...

Автор и герой

Кемаль аль-Газави. Он спит там, в забытой земле. Близ рва Наджрана. Как могу я забыть его?!

Он спит, исполненный любви и жалости к людям и мечты о свободе.

Время там остановилось в средних веках. Хижины из жести и пальмовых листьев, точь-в-точь лачуги в Карантине. Лица — те же, что в Сабре и в Шатиле или в лагере аль-Ярмук... А он спит в одиночестве, и птица юности парит над его песчаной могилой.

Распустились листья арака и бузины. И увяли. Прошла зима. Наступила весна. Распустились листья. И снова увяли.

А птица юности все машет крылами.

Повеяли легкие ветры апреля, но их сменил самум. Разгневались правители Наджрана — и повылезали наружу из нор и щелей крысы, тиф, анемия. Десять муаллак* пронзил ужас, а птица юности все парит в вышине, то взмывая в синее небо, то опускаясь к земле.

Кемаль аль-Газави... Раненая Звезда... Замученный, забитый лебедь... убит на земле Наджрана. Как я могу забыть его!

Прошло столько лет. Тяжелых лет. Один год съел мясо Аравийского полуострова, другой — жир, третий — его кости. Четвертый год выпил слезы, пятый прогнал прочь улыбку, шестой украл радость. А следом за ними шли седьмой, восьмой... И одна только птица юности несет с собой тоску Кемалея аль-Газави и его страдания.

Он должен был стать одним из героев моего романа («Наджран в час испытаний»). Но когда я начал писать, он не давался мне в руки. Как птица. Как своенравный жеребенок, которого

* Муаллаки (букв. нанизанные — *арабск.*) — лучшие стихотворения доисламской эпохи.

невозможно укротить. Я не сумел втиснуть его в строки между десятками других героев — он был слишком горд и горяч.

Уже закончив и опубликовав роман, я продолжал мучиться, чувствуя, как не хватает в нем моего Героя, — разве могут быть арабские буквы без точек?

Он был стоек, как Тарафа бен аль-Абд*. Он выполнил свою миссию и погиб.

Город Джидда. Середина лета. Невыносимо жарко и сыро. Одежда липнет к телу. Гостиница, где я живу, похожа на печь, в каких у нас пекут хлеб. Однако плата — тринадцать риалов в сутки, и я считаю дни и считаю деньги, которых может не хватить до отлета в Наджран.

В Аммане, когда я вышел из помещения представительства министерства просвещения Саудовской Аравии, подписав контракт, старый учитель, продлевавший свой контракт и получавший визу, спросил:

— Куда тебя назначили?

— В Наджран.

На его лице отразилось сочувствие:

— Значит, поедешь на край света.

А другой человек сказал:

— Если у земли есть дно, это дно — Наджран.

Но у меня не было выбора: мне нужно работать, чтобы кормить семью. Я был серьезным юношей и спешил найти свой путь, проникнуться ответственностью и ощутить терпкий вкус трудового пота.

Когда я взлетал с аэродрома в Аммане (это был первый полет в моей жизни), в кармане у меня было всего шесть иорданских динаров, которые мать заняла у соседки.

Самолет делал посадку в Джидде, откуда, как я думал, меня на другом самолете сразу отправят в Наджран. Но начальник службы транзитных перелетов сказал:

— Для тебя место будет только через десять дней.

А хозяин гостиницы, где я собирался прожить эти дни, заявил, ковыряя во рту зубочисткой:

* Тарафа бен аль-Абд — поэт доисламской эпохи, один из авторов муаллак.

— За каждую ночь — тринадцать риалов. Плата вперед. Уплатив затребованную сумму, я поднялся в комнату. Она была маленькой и узкой. Ржавая кровать застлана ветхими серыми простынями. Между стеной и потолком металась оса. Из окна видно Красное море, порт, суда на якоре. Снаружи проникал запах гнили и отбросов.

Я вдруг сразу почувствовал свое одиночество и тоску по родине, мне захотелось плакать.

Покидая родину, сотни людей оставляют на стенах свои памятки, запечатлевают на них боль, страхи и опасенья. Я прочитал на стенах гостиничной комнаты жалобы десятков мучеников. Чернилами и карандашом каждый писал о своей боли. Ни хозяин гостиницы и никто другой не стер этих надписей. И я вспомнил стены тюремной камеры в Аммане... Я не спал всю ночь, и стены говорили со мной.

Утром я увидел его в столовой. Он сидел за столиком в углу и пристально смотрел в пустую тарелку. Подняв голову и заметив, что я ищу место, он жестом подозвал меня. Я подсел к нему, и мы познакомились. Кемаль аль-Газави, выпускник сельскохозяйственного факультета Каирского университета. Заключил контракт с представительством министерства просвещения Саудовской Аравии в городе Аммане и также назначен на работу в область Наджран. Итак, это мой новый друг, он, как и я, ожидает места на самолет в Наджран и должен улететь через десять дней.

После завтрака мы вдвоем отправились побродить по улицам Джидды. Широкие улицы, магазины, торговые ряды. Стеклянные витрины, запах духов, дамы под черными покрывалами. Время от времени они приоткрывают свои покровы, и тогда видны короткое платье или белые пальчики ног с ноготками, покрытыми лаком... Мужчины в длинных рубашках, с четками... А там высокие минареты, старые и новые... Старая стена. Квартал ас-Сабиль. Берег моря. Городские нищие. Дорога на Мекку. Рестораны и запахи жаркого... И наконец, мы сидим в кафе, пьем чай и курим наргиле. Но вот пришло время пересчитать наши деньги. Это было нетрудно. Оказалось, если

жить в гостинице, денег у нас хватит дня на три.

— Мне говорили, здешние кафе ночью превращаются в гостиницы,— сказал Кемаль.— Длинный стол сдают на ночь всего за два риала.

В нашем положении выбирать не приходилось, и мы позвали хозяина — договориться о ночлеге в кафе.

Рассчитавшись с владельцем гостиницы, мы попросили его оставить у себя на хранение наши вещи. Он, все так же ковыряя в зубах, понимающе глянул на нас и открыл дверь маленькой комнаты, где уже стояло несколько чемоданов.

— Видите вон тот желтый чемодан,— сказал он, впервые на наших глазах вынув зубочистку изо рта,— хозяин оставил его здесь года полтора назад, и до сих пор о нем ни слуху ни духу. Он тоже палестинец. Но вы, я надеюсь, вернетесь.

Закрывал он дверь с таким холодным и мрачным выражением, словно запирали больничный морг.

Первый день. Бродим, бродим. Бродим без конца. Изнемогаем от усталости. Кружится голова (утром съели по тарелке бобов, днем несколько сэндвичей). А вечером сидим в кафе и ждем, пока разойдутся посетители, чтобы улечься спать.

Первую ночь спим как убитые. Но еще до рассвета нас будит мальчик и требует, чтобы мы скорее умывались и уходили.

— Куда?

А день такой долгий. И палящий зной. И одуряющая влажность.

— Идите в мечеть,— говорит мальчик.— Там вода, тень, Коран и книги.

Когда мы выходили, светало. В первозданной тишине торжественно звучал голос муэдзина. Пошли к берегу моря. Там, на набережной, десятки рабочих разных национальностей ожидали автобусов. Повеяло вроде чем-то родным. Привиделись такие же рабочие люди, стоящие утром на автобусных остановках Аммана.

Заговорили о положении рабочих. Кемаль толковал о рабочем движении, о зарплате. Сразу стало ясно, мой новый товарищ придерживается прогрессивных взглядов. В тот день мы

говорили и о Палестине, об Абдель Насере, о йеменской войне.

После полудня мы уже валились с ног от усталости и еле брели по одному из старых рынков города. Вдруг на противоположной стороне рыночной улицы появилась женщина с непокрытой головой. Это была европейка, блондинка. В первый раз мы увидели здесь женщину, которую скорее встретишь на улицах Аммана или Бейрута. Тут все женщины закутаны с головы до пят в черное, когда они идут по улице, кажется, будто движутся живые палатки. Я ждал, что Кемаль очнется и оживится, перестанет молчать. Но слова его оказались для меня неожиданными:

— Я думал о том человеке, который оставил свой чемодан и не вернулся...

Он посмотрел на меня и добавил:

— Как ты думаешь, что с ним случилось? Может, он утонул? Или попал под машину? — Немного помолчав, он добавил, как бы обращаясь к самому себе: — А может, его убили...

Ночью Кемаль совсем не спал, думая о своем. Ходил по комнате. Курил — одну сигарету за другой. Утром на его лице видны были тревога и озабоченность.

И снова мы очутились на набережной. Шли среди рабочих, смотрели в молчаливое синее небо.

Подсчитав оставшиеся деньги, мы поняли: надо жить еще экономнее. Проходя мимо торговца оладьями, я увидел, как Кемаль сглотнул слюну, и отвернулся. Это напомнило мне годы ученья в учительской семинарии в Рамалле*. Тогда, проходя мимо парка, мы точно так же вдыхали запахи готовящейся пищи и не могли купить ее.

Вечером Кемаль сказал:

— Я очень устал. Не могу больше. Хочу вернуться домой.

Я напомнил ему слова, которые мы прочитали на стенах гостиницы. Их написали такие же молодые люди, как мы. Они проезжали здесь, возвращаясь на чужбину... Но тут я увидел глаза Кемалья. Ему было плохо. Пощупал лоб — горячий.

Не знаю, что с ним стряслось. Может быть, солнечный

* Рамалла — город на западном берегу реки Иордан.

удар, а может и приступ голода. Он еле волочил ноги. Ночью температура еще поднялась. Кемаль бредил. Я до утра просидел возле него.

Хозяин кафе сжалился над нами и разрешил остаться во внутреннем дворике кафе, где готовили наргиле. К нам сразу подошли работавшие там парни, принесли чаю и много еды. Трое были из Неджда, четвертый — из Саада в Северном Йемене. Работали они в одних лишь набедренных повязках. Все время суетились: готовили чай, заправляли наргиле. Вечером, после настойчивых уговоров наших новых приятелей, мы с Кемалем поехали к ним в квартал ас-Сабиль.

Сначала ехали в микроавтобусе. Потом шли пешком. Путь был долгим. Все устали. Кемаль едва держался на ногах.

Наконец мы добрались до самой окраины города, где тесно лепились друг к другу лачуги из жести, битком набитые людьми. Снаружи на веревках болталось белье. От стоков несло зловонием. Наши товарищи занимали одну такую лачугу, в единственной комнате пол был застлан йеменским ковром ручной работы.

Зажгли лампу. Сели ужинать. Кемаль улыбался, будто совсем уже поправился. Потом один из наших хозяев затянул грустную арабскую песню. В ней воспевались пустыня, пальмы, война... Его товарищ станцевал танец с саблями, потом другой — с кинжалами и третий, символизирующий верность и благородство.

Через окно отовсюду доносились голоса, бой барабанов, звуки тамбуринов. Это пели и танцевали, изгоняя усталость и забывая все огорчения, уставшие за день люди, чтобы забыться потом крепким сном.

Ночь подходила к концу, и мы уже собрались ложиться спать, когда пришел новый гость. Хозяева — все четверо — бросились ему навстречу. И я, сам не знаю почему, почувствовал радость при виде этого человека с классическим арабским лицом и глазами, словно хранившими тайны пустыни Рубаль-Хали. Весь вид гостя — черты лица, его выражение — был как пароль, открывавший все двери.

Не стану долго томить вас загадками. Человек этот и был Мушан. Во второй раз я увидел его перед самым отъездом из Джидды, случайно, в агентстве Саудовской авиакомпании, мы зашли туда в надежде ускорить наш отлет. Мушан, стоя у стойки, заказывал себе билет на самолет в ад-Димам.

Приятели из кафе рассказали нам о Мушане: он — профсоюзный деятель, руководил выступлениями рабочих против американцев и собственного своего правительства на востоке страны. Был арестован, семь лет провел в тюрьме, из них целый год в подземелье.

Тогда в агентстве он поздоровался с нами взглядом и сразу отвернулся. Мы поняли: за ним следят. Служащий авиакомпании сказал, что, возможно, сумеет что-нибудь сделать для нас в конце смены, и предложил подождать. В помещении агентства был кондиционированный воздух, охлажденная вода в графинах на столиках.

— Делать нечего, подождем,— улыбнулся Кемаль.— Хоть посидим в холодке.

Но ничего мы тогда не добились и снова оказались на улице, в пекле.

— Слушай,— вспомнил вдруг я,— в Наджране работает мой друг. Может, дать ему телеграмму, пусть встретит нас?

Кемаль подумал, пересчитал наши деньги и согласился. Мы решили в оставшиеся пять суток есть дважды в день.

Рабочий кафе — йеменец рассказывал нам с горечью о войне на юге. Говоря о республиканцах — командос, которым отрубили головы в Эр-Рияде, он дрожал от страха. Кемаль разбирался в политике да и умел находить общий язык с самыми разными людьми. Он поговорил с йеменцем о том о сем, пошутил, и под конец тот успокоился. Когда в кафе начался перерыв, к разговору присоединились и клиенты. Начались нескончаемые истории о женах эмиров. Однажды, рассказал йеменец, жене эмира понравился некий учитель. Так она заманила его во дворец, заперла в комнате, охраняемой десятью евнухами, и каждую ночь наслаждалась его телом, высасывала жизненные соки, пока не пресытилась. А

пресытившись, дала любовнику снотворное и приказала евнуху отрубить ему голову. Труп учителя бросили в глубокое темное подземелье во дворце.

Потом мы пили крепкий чай и ели густой суп, а новые наши друзья все рассказывали о женах эмиров историю за историей — одна страшнее другой. Ночь выдалась длинная, и было в ней что-то необычное.

За день до отлета нам сказали в авиакомпании, что нужно получить разрешение на въезд в Наджран от Мансура аш-Шуейби. В ответ на вопрос Кемалья служащий объяснил: Мансур аш-Шуейби — начальник области Джидда.

Как выяснилось, до областного управления Джидды — около семи километров. Денег на такси у нас не было, и пришлось идти пешком.

Нешадно палило солнце, одежда прилипала к телу. Вдоль дороги темнели высокие дома, окруженные увядшими садами. Мимо проезжали велосипеды, проносились роскошные «кадиллаки». Мы брели вдоль красивых витрин с одеждой, духами, золотыми кольцами и драгоценными камнями, персидскими коврами и расшитыми золотом укалями, фигурками из «Калилы и Димны». Но Кемаль ничего не замечал, погруженный в свои грустные мысли, точно вестник скорби и горя.

В ночь перед отлетом мы не сомкнули глаз. Побрились, постирали белье и рубашки. Товарищи наши устроили прощальное застолье, приготовили рис, горячую подливку с перцем. Один из них одолжил мотоцикл и поехал со мной в гостиницу за чемоданами.

Нас встретил хозяин — он словно не сходил с этого места вот уж который день. Уж не провел ли я все эти дни в каком-нибудь кафе, ухмыляясь, спросил он, намекая, мол, ему прекрасно известно, почему мы съехали из гостиницы.

Я не ответил ему ни слова. Он открыл свою камеру хранения, темную, как морг, сырую, пропитанную запахом кожи или обуви. Вытащил наши чемоданы.

Тот желтый чемодан, невольно отметил я, по-прежнему

стоял там, в темноте и безмолвии...

Когда мы вернулись с чемоданами, все уже спали. Бодрствовал один Кемаль. В комнате тускло горела лампа. Мне показалось, что Кемаля так и подмывало справиться о том чемодане. Но он промолчал, а я, избегая его взгляда, уставился в потолок. За окном виднелось освещенное звездами небо, издали доносились гудки — это причаливали и отплывали корабли.

И вот мы наконец в международном аэропорту Джидды. Прошли через зал внутренних сообщений, отдали разрешение на вылет, полученное от Мансура аш-Шуейби, заплатили пошлину и прочие сборы, истратив все до последнего шиллинга, и в зале отлета, глотая слюну, наблюдали, как в кафетерии за стеклянной стеной льется из сифонов сок, наполняя бокалы. Сидя в удобных мягких креслах, мы глядели на злые лица проходивших мимо мужчин и движущиеся палатки, укрывавшие женщин. Наконец объявили посадку.

Наш маленький самолет в окружении огромных лайнеров казался игрушечным. Мы вошли в него вместе с группой мужчин, животы которых украшали острые йеменские кинжалы, а лица — дорогие английские очки — важная деталь, отличавшая их владельцев от простонародья. Женщины заняли задние места.

Стюард в белой рубашке с короткими рукавами, элегантный несмотря ни на что, попросил застегнуть привязные ремни. Самолет разбежался, оторвался от земли и начал набирать высоту. И вот мы уже летим над голыми горами юга. Самолет бросает в воздушные ямы, словно перышко, гонимое ветром.

Мой сосед держит в руках шкатулку — точь-в-точь ларец с драгоценностями из фильма «Багдадский вор».

— Здесь упал самолет бен Ладена, — говорит он. — Это была сказочная личность. Куда до него самому Осману Ахмеду Осману, знаменитейшему богачу. Я слышал, жен у него было видимо-невидимо, не говоря о детях, которых он и сам не мог сосчитать.

Кемаль закрыл глаза. На лице его проступила бледность.

Я пошутил:

— Да будут благословенны те, кто остался на земле.

Он смотрел в окно на черные зубцы гор, на угрюмый ландшафт и сказал, как бы обращаясь к самому себе:

— Мне бы не хотелось умереть здесь.

Он говорил о смерти как о чем-то неизбежном. Я попытался напомнить ему о прекрасных днях, ожидавших нас впереди, но он, словно не слыша меня, продолжал:

— Это счастье, когда человек умирает в окружении родных и близких.

Его вырвало. Это, конечно, привлекло внимание пассажиров. Стюард принес пластиковые пакеты, но лекарства у него не нашлось. Кемаль откинул голову на спинку кресла и закрыл глаза.

Наконец шасси коснулось посадочной полосы. Самолет побежал по земле, приминая колесами траву. Вокруг расстилась пустыня.

— Это Наджран,— сказал стюард.

— Добро пожаловать!— приветствовал нас офицер службы безопасности.

Затем мы попали в руки таможенников:

— Не везете ли вы запрещенных предметов?..

В заключение мы услышали наставленье, совет:

— В городе идет война — не на жизнь, а на смерть. Опасности поджидают здесь человека на каждом шагу. Кто хочет спокойно есть свой хлеб, должен ничего не видеть, ничего не слышать и помалкивать.

Мы чуть не падали от усталости. На Кемалья было страшно смотреть: он напоминал использованную копировальную бумагу. А я был как губка, пропитанная потом, усталостью и гневом.

За оградой аэропорта нас никто не встречал.

— Где же твой знакомый?— поинтересовался Кемаль.

Мираж стеною отгородил от остального мира эту арабскую землю! Но в недрах ее бьется и кипит нефть, готовая вырваться наружу.

Нас здесь никто не ждал.

Мы взяли такси. В качестве платы Кемаль отдал золотое обручальное кольцо. Отправились в отдел просвещения. И там сразу встретили моего друга. Выяснилось, что телеграммы он просто не получил. Она была доставлена ему через неделю после нашего приезда.

Нас направили на работу в неполную среднюю школу на улице аз-Зуйуд недалеко от представительства Йеменского королевства. Здесь был свой особый мир, никак не связанный с Джиддой, с ее высокими домами, машинами, женами эмиров. Попав сюда, вы сразу оказывались в средневековье. Купцы и перекупщики. Посредники, воины имама, разноязыкие наемники. Замкнутые, с пустыми глазами мужчины. Малолетние прислужники. Забитые женщины. Квартал рабов — «аль-Абид», как его здесь называют.

На широкой площади, где раз в неделю собирается базар, казнят преступников, наказывают кнутом, побивают камнями блудниц.

Всюду на улице аз-Зуйуд идет торговля оружием. Продаются пистолеты, винтовки, ручные гранаты.

Наемники в шортах разгуливают посередине улиц или куда-то мчатся сломя голову на джипах. Жители же этого квартала не могут заработать себе на пропитание. Их товар никому не нужен. Никто не покупает ни тростник, ни редиску и прочие овощи. Агенты охраны хватают людей по малейшему подозрению. Страх и ужас проникают в дома сквозь щели в запертых дверях и закрытых наглухо ставнях. Самолеты рыщут в объятom тревогой небе. Так называемое Общество охраны веры и нравственности играет здесь роль средневековых судов инквизиции. Мусорщик вывозит в своей тележке отбросы и выгружает их на пустыре. Дети и осы, крысы и хищные птицы набрасываются на них. Солдаты имама жуют кат, пьют виски, но их за это никто не наказывает. Инвалиды войны заживо гниют на улицах города... А в школе детей учат писать. Писать по-арабски на доске — классной доске двадцатого века.

Это — Наджран. Дома и переулки, пыльные улицы, пески за горизонтом. И несметное число агентов и соглядатаев. И широкая площадь, на которой наказывают кнутом, рубят головы. И та же площадь по пятницам превращается в средневековый рынок.

Лица людей словно изваяны из камня. Но как из камня можно высечь таящийся в нем огонь, так и в сердцах людей таится здесь страстное желание вырваться из средневекового узилища, перенестись в двадцатый век.

Добровольцы из Общества охраны веры и нравственности всюду суют свой нос. Улицы кишмя кишат людьми: вооруженные мужчины, зейдиты, соглядатаи, продавцы сладкого картофеля и бобов, городская знать, женщины, закутанные в черные абы.

Купцы и эмиры имеют здесь по четыре жены. Вдобавок они заглядываются на мальчиков. Зубочистки пахнут араком. В кабинете Бу Талеба в представительстве Йемена толкуются зейдиты, наемники, калеки.

Солнце восходит под гул артиллерийской канонады. Это в горах идут бои. Они порождают ужас, в городе на каждом шагу можно встретить раненого или калеку. Там, в горах, сражаются сторонники королевской власти и республиканцы.

Наджран — оплот контрреволюции. Мимо школы непрерывно движутся машины с наемниками, артиллерия.

Кемаль говорит, сплевывая:

— Реакция сражается против прогресса...

А иногда он смотрит с крыши нашего глинобитного дома в сторону гор на горизонте. В глазах глубокая тоска:

— Когда-нибудь я все равно доберусь до этих гор, буду сражаться в одном окопе с республиканцами... Революция должна победить.

Однажды в школу пришел некто Мистер. Так представил его нам директор. Этот Мистер — человек лет сорока — был одет как араб, в белом платке на голове, в темных очках. Весь его облик в сочетании с рыжей бородой напоминал известного британского агента Лоуренса. Мистер объявил, что пришел к нам по поручению эмира — объяснить смысл проис-

ходящих событий и ответить на интересующие нас вопросы. Говорил он на литературном арабском языке.

Впервые мы увидели своими глазами сотрудника американской разведки. Я посмотрел на Кемалю. Он явно думал о том же. Мы оба встали и сказали директору школы:

— Не желаем этого слушать.

Позже мы получили выговор за свой поступок от заведующего отделом просвещения и сподобились вызова самого начальника службы безопасности Наджрана!

Жили мы в трудных условиях. Пили мутную, кишевшую микробами воду, питались почти одними консервами и тщетно ждали писем от близких. Не раз оказывались свидетелями воздушных боев. Близ города падали бомбы — иногда весом в тысячу фунтов. На площади публично рубили головы мечом. А зейдиты знай себе жевали кат на улице аз-Зуйуд, играли, ставя золотые риалы, и торговали оружием.

Улицы рано пустели... Бóльшую часть свободного времени мы проводили вместе с несколькими своими коллегами в кафе Рафта. Одним из них был юноша палестинец, потерявший глаз во время агрессии пятьдесят шестого года. Тогда он был еще мальчишкой и жил в лагере аш-Шатиа в Газе.

У Рафта мы ели перец (он как никто в Наджране умел его готовить) и говорили о войне или, приглушив звук, слушали радио Саны.

Я помню тот вечер, когда нагрянули трое агентов и уволокли Рафта в тюрьму. Долго не могли мы опомниться от удивления: ведь он был такой молчун, и рта-то почти не открывал. А политикой вовсе не интересовался. Позже мы узнали причину его ареста. Он попросил своего родственника в Джидде купить несколько форм для приготовления перца. Тот не выполнил его просьбы и вестей никаких не подавал. Тогда Рафт дал телеграмму: «Прошу выслать формы». К несчастью, телеграфист, вечно жевавший кат, ошибся и передал: «Прошу выслать бомбы». В тот же день Рафт был схвачен и

больше не вернулся. После ареста и непродолжительного следствия его выслали.

— Здесь от нас хотят, чтобы мы, как собаки, не рассуждая, служили хозяину,— сказал как-то Кемаль.— Разве можно к этому относиться спокойно? Именно отсталость Наджрана — одна из причин поражения в Палестине. Да и что удивительного. Здесь прямая связь. Чтоб победить в Палестине, надо ликвидировать эту косность.— И добавил:— Я поговорю откровенно с учениками, расскажу им всю правду. Камня на камне не оставлю от всего, что вбивают им в голову разные «мистеры».

Нет, молчать Кемаль не умел. Не мог закрыть глаза и заткнуть уши, как это от него требовалось. Он говорил, говорил убедительно и во весь голос. Он все видел, все слышал. Видел тысячи бедняков на земле, из которой фонтаном била нефть. Видел паутину американских нефтепроводов, опутавших арабскую землю. Он видел смятение, страх и голод в глазах детей. И грязную войну, которую вел свергнутый имам против республиканцев.

Спасти Йемен от упадка и средневековья, объяснял он своим ученикам, может только революция. Явились агенты и схватили Кемалья. Его допросили, потом произвели обыск, обшарили все его вещи, перерыли бумаги. В течение дня Кемалья не раз допрашивали. Он заполнял десятки анкет. Ждал по несколько часов. На каждом допросе его фотографировали, заставляли писать подробную автобиографию, задавали десятки вопросов.

Разгневанный и подавленный вернулся он тогда домой. Но в сердце его пылал все тот же огонь — скрытый огонь, который таится в толще гранита... Он снял со шкафа чемодан и стал укладывать вещи.

— Ты уезжаешь?— спросил я.

— Да, собираюсь...

Но заведующий отделом просвещения не уволил Кемалья,

а издал распоряжение о переводе его в одну из отдаленных деревень, близ которой шли бои. Большой желтый чемодан его был собран. Не знаю почему, но у нас одновременно мелькнула мысль: как чемодан этот похож на тот, забытый в гостинице...

Пришли наши друзья — учителя-арабы, и мы вместе скоротали ночь. Но никакие наши шутки так и не смогли развеять угрюмого настроения Кемалья.

Утром машина увезла его. Я видел его тогда в последний раз. Ожесточились бои, район стал подвергаться интенсивному артиллерийскому обстрелу и налетам авиации, и через неделю пришла весть: Кемаль погиб.

Потом я слышал много разных версий его гибели. Но все рассказчики сходились в одном — это произошло случайно.

Самолеты республиканцев бомбили базы наемников на границе, неподалеку от деревни Кемалья. Он закрыл школу и отпустил учеников по домам. Но самого его на дороге настиг самолет. Летчик принял Кемалья за наемника (местные жители ходили в арабской одежде, Кемаль же носил рубашку и брюки). Как говорили очевидцы, самолет развернулся. Тут Кемаль, вероятно угадав намерения летчика, снял свою белую рубашку и стал махать ею: мол, он — друг. Но самолет резко спикировал и выпустил в Кемалья ракету. Так он и погиб.

Он был убит оружием друзей. Убит по ошибке, случайно. Хотя прошло уже то время, когда палестинцев убивали случайно.

Потом наших товарищей убивали преднамеренно. Преднамеренно и целенаправленно. Десятки, сотни людей погибали на поле боя, на площадях арабских городов.

Первый бой

Они отошли от базы уже довольно далеко. Над ними висело темное хмурое небо, встречая их порывами сильного холодного ветра. Было так тихо, что слышались приглушенные звуки их шагов.

— Как ты себя чувствуешь, Аббас?— спросил негромко командир группы.

Аббас, рука которого лежала на спусковом крючке, вспомнил последние часы, наполненные чувством тревоги и ожидания, попытался улыбнуться, но на лице у него появилось лишь подобие улыбки, поднял голову и ответил:

— Неплохо, жду не дождусь, когда нажму на спусковой крючок...

— Скоро ты сможешь сделать это, терпеть осталось недолго,— произнес идущий сзади, вплотную за ним Ханна.— Вот только переправимся через реку...

Черные облака скрывали луну... Аббасу пришли на ум слова инструктора: «В темноте ты должен ступать твердо и уверенно, как будто в ногах твоих тысячи всевидящих глаз».

Командир по пояс погрузился в воду. За ним последовал Ханна. «Теперь твой черед, Аббас!»

Он ступил ногой в воду, и резкий холод пронзил все его тело до костей. Сделал шаг, другой и пошел, высоко подняв над собой оружие. «Трудно бывает только вначале»,— подумал Аббас.

Когда они вышли на другой берег, Ханна сказал:

— Ну что ж, поздравляю, ты просто герой!

Аббас уже не сдерживал радостной улыбки. Вспомнилось, как прошлой ночью Ханна, рассказывая о своей первой боевой операции, заметил: «Земля, она — что молодой, необъезжен-

ный скакун. Дружелюбен, но есть в нем какая-то злость, норов и, пожалуй, гордость. И все же, если постараться, тебе нетрудно будет обуздать его и сделать кротким и послушным. Надо только постараться...» И тут он вспомнил своего друга аль-Киси.

«Они там, в лагере Бекаа, наверняка с тревогой смотрят в небо. Думают о нас. Аль-Киси, конечно же, как всегда занят по горло: пишет о революции и ее людях. А тут как назло идет мелкий морозящий дождь. Странно, почему все эти мысли приходят мне в голову именно сейчас?.. Наша дорога спускается все ниже и ниже, и кажется, нет ей конца. Сколько еще нам идти?»

А там, в лагере Бекаа, как всегда, наверное, ветер вырывает кольца палаток. Люди ставят их снова, глаза их не отрываются от черных хмурых облаков».

— Аббас, готовь мину!— приказал командир.

Он раскрыл сумку и осторожно извлек из нее мину.

— Иди и поставь ее посреди дороги.

Аббас почувствовал, как кровь прилила к лицу, мина невольно задрожала в руке. Он привстал и приготовился выйти из засады.

— Аббас, ты штык забыл! Копать-то чем будешь?— услышал он голос Ханны.

Взяв штык, он стал спускаться к дороге. Дождю, казалось, нет конца. Он знай себе лил да лил. Мокрая земля толстым слоем прилипла к подошвам сапог. Идти было тяжело. Аббас остановился посреди дороги, осторожно положил мину, встал на колени, в который раз осмотрелся и вонзил штык в землю. Работал с остервенением, стремясь опередить время. Вырыв яму, он взял мину в руки и задумался. «Не спеши,— сказал он себе.— Будь осторожен, не то первая же ошибка станет последней в твоей жизни!» Мину он опускал бережно, ничего не замечая вокруг. Все вдруг замерло, насторожилось, даже стих ветер.

Уложив мину, он засыпал ее и заровнял землю.

Закончив работу, он какое-то время не мог подняться, ждал, пока успокоится дыхание.

И вдруг все разом изменилось! Издалека вместе с порывами ветра донесся рев приближающегося танка.

Аббас вскочил, все чувства его напряглись, он ощутил небывалый прилив сил — ему показалось, будто он заново родился. В тяжелых от налипшей на подошвы земли сапогах он быстро поднялся наверх и снова занял свое место в засаде. Рев устрашающе нарастал, и скоро на дороге показался танк, за ним — дозорная машина.

— Как только танк подорвется на mine, солдаты из машины сразу атакуют нас,— едва слышно произнес командир.

Нервы напряжены до предела. Лицо командира казалось высеченным из камня... Карабин «НАТО», который Ханна захватил в качестве трофея в одной из операций, нацелен на дорогу... руки стиснули кольца ручных гранат... а вокруг — морозящий дождь и завывание ветра...

Вот танк подходит к заминированному месту, еще мгновение — и... Но взрыва нет как нет.

Танк прошел мимо, за ним — машина с солдатами. И все стихло.

Аббас изменился в лице. Он чувствовал, что сгорает от стыда,— в нем что-то сломалось, еще минута, и он задохнется.

— Мина не взорвалась,— сказал Ханна, проводив взглядом скрывшиеся в темноте ночи машины.— Ты неверно установил ее.

«Пусть разверзнется земля и поглотит меня! Что скажут в Бекаа? Надо же так опозориться в первой операции!»

Неожиданно послышался голос командира:

— С миной ясно. Дождь льет всю ночь. Земля раскисла, стала вязкой. Вот мина и ушла вглубь. Так что, дружок, иди и подложи под мину что-нибудь твердое. Тебя ведь учили этому в лагере, не так ли, Аббас?

Он вскочил, точно подброшенный кверху пружиной, убедился, что штык на месте, потом взглянул на Ханну, но разве в темноте разглядишь выражение его лица. Бегом он спустился к дороге. Гусеницы танка проложили две колеи,

ровные, точно рельсы железной дороги. Подумать только, правая гусеница прошла над самой миной. Аббас снова опустился на колени и почувствовал, как мокрая, вязкая земля холодит кожу. Достал штык и начал копать.

Кончив, Аббас продолжал стоять на коленях, разглядывая распростертую под ним землю. Кончиками пальцев он перебирал маленькие комочки земли, ощущая ее доброе ласковое тепло.

— Будь милостива ко мне! Да, прав был Ханна: к тебе, как к норовистой лошади, нужен подход...

Когда Аббас присоединился к группе, хлынул ливень.

— Пора возвращаться на базу,— сказал командир. По лицу его текла вода.

Все встали, Аббас занял место между командиром и Ханной.

Ноги увязали в глинистой земле, по телу и лицу хлестали упругие струи дождя. Точно такой же дождь, вспомнил Аббас, однажды застиг его в деревне Айн-Мисбах, где он проводил ночи под прохудившейся камышовой крышей. Вспомнился спасительный очаг в лагере Бекаа и тревожные лица друзей. Он ощутил пронзившее все его существо неодолимое желание нажать на спусковой крючок и бить, бить по этой черной ночи в упор, пока не выйдут патроны.

Люди шли, утопая в грязи. Автомат Калашникова висел на ремне.

«Какая польза от того, что он болтается у тебя на плече?! Пройдет время, и ты вернешься в лагерь; увидев тебя в маскировочном костюме, к тебе подойдут аль-Киси и все ребята. Они поздравят тебя и будут славить революцию и вспоминать павших за нее... И тут сердце твое сожмется от боли: ведь ты... слабак. Да, да... слабак и больше никто. Тебе доверили серьезное дело. И первая же мина тебя подвела. Что будет, если они обо всем узнают?..»

Дождь бил ему в лицо, вымочил волосы, проникал сквозь одежду. Вокруг все залили потоки воды. Наконец показались олеандры с красными цветами, за ними бурлила и пенилась вышедшая из берегов река.

Аббасу казалось, будто время остановилось. Какая-то сила неодолимо тянула его назад, заставляя снова и снова думать о неразорвавшейся мине.

— Я поплыву на тот берег и возьму с собой веревку,— нарушил молчание командир.

Покуда Ханна закреплял конец веревки за высокое дерево, командир успел снять куртку, сложить в вещмешок сумку и патронташ. Затем, обвязав веревкой левое плечо, он бросился в реку...

— Давай, Аббас! Не мешкай!— крикнул Ханна, который вслед за командиром полез в воду.— Давай!

Аббас схватился за веревку и, автоматически перебирая руками, с трудом двинулся наперерез потоку. Мысли его были далеко отсюда... И вдруг вдали, у них за спиной, что-то вздыбилось к небу, наполнив все вокруг грохотом и слепящим огнем!

— Аббас, ты слышишь?— закричал Ханна.— Это танк подорвался на твоей мине!

Аббас не понял, что с ним произошло — то ли закачалась веревка, то ли дрогнули руки, и он погрузился в воду. Слезы радости брызнули из глаз.

Неожиданно яркая вспышка ракеты осветила все небо. Стало светло как днем.

— Скорее, ребята, поторапливайтесь!— крикнул командир.

Когда они, наконец, переправились на другой берег, командир, оглядев бойцов, с удовлетворением сказал:

— И все же мы сделали свое дело, одним танком стало меньше.

Вражеская артиллерия, точно в отместку, открыла беспорядочный огонь по всему берегу.

— Твою руку, Аббас!— весело закричал Ханна.

Аббас улыбнулся, и тут же ему представился лагерь Бекаа, его друзья — все вместе и каждый поодиночке.

А земля?! Аббас внимательно вглядывался в нее. Она и в самом деле была похожа на молодую необъезженную лошадь — гордую и норовистую, но прекрасную и добрую, которую ему удалось приручить.

Как погиб продавец жасмина

Взрыв, потрясший набережную и выбивший стекла в окнах соседних зданий, был похож на внезапное извержение давно потухшего вулкана, над кратером которого вдруг вырос фонтан огненной лавы.

На мгновение на лицах прохожих застыл неопиcуемый ужас. Заревела сирена, человеческие ноги устремились вперед, выкатившиеся из орбит глаза казались безумными.

Где скрыться?

Движение прекратилось, исчезли водители автомашин, продавцы газет и жвачки, владельцы лавок. На обезлюдевшей набережной остался только продавец жасмина, державший в руках букеты цветов, все так же благоухавших, хотя и случилось непоправимое.

Прогремел второй взрыв: еще державшиеся в оконных рамах стекла с грохотом и звоном вывалились на землю.

Откуда-то издалека показалась танцовщица Сухейр Мажди, на ней был костюм для вечерних выступлений. Она бежала так быстро, что казалось, ноги ее касаются головы.

Покрытое пудрой тело танцовщицы было почти обнажено, выпученные глаза — точь-в-точь как у загнанной лошади.

Продавец жасмина пожал плечами и шагнул раз, другой, оглядывая широкую площадь, с которой исчезло все живое.

— Как сквозь землю провалились, — пробормотал он.

И тут, вспомнив о букетах жасмина, он почувствовал вдруг: они пахнут гораздо сильнее, чем раньше.

Громыхнул третий взрыв, и вдали появилась струйка медленно поднимавшегося вверх черного дыма.

Он повернул в сторону соседней улицы.

Под смоковницей лежал богач, в обычное время ни на минуту не выпускавший изо рта сигару, он прильнул к земле и, казалось, умирал от страха.

— Добрый день...

Богач, у которого зуб на зуб не попадал, не ответил на приветствие.

— Ладно, чего уж тут разговаривать...

Продавец жасмина пошел дальше.

— И почему они все разбежались? Богач вон дрожит, а у Сухейр Мажди словно крылья выросли от страха?

И вдруг он подумал: «Эх, если бы мама была жива, она б их водой отлила».

Поднимавшийся вверх черный дым становился все гуще. Почувствовав резкую боль в ступне, он увидел, что снова вышел на набережную, усеянную осколками битого стекла. Пришлось присесть, снять обувь и носок. Приподняв ногу, он увидел вонзившийся в нее треугольный кусок стекла, нахмурился и потом все больше мрачнел, вытаскивая его.

На букеты жасмина упала капля крови. Он нервно передернулся, вынул белый платок, вытер окровавленные цветы, перевязал ступню и встал.

— Куда теперь?

Он обернулся. Богача, приехавшего сюда, в город, единственный раз в году, больше не было видно. Куда он девался? Точно сквозь землю провалился.

Богач был щедр. Он покупал жасмин корзинами и дарил их Сухейр Мажди.

— Куда же вы делись?.. Сигарету бы выкурить... Нога болит. В кармане ни одной сигареты.

Продавец жасмина обернулся еще раз. Лавка Мухаммеда аль-Аттаса — совсем рядом с ним — была открыта. Внутри — никого.

— Что ж, если аль-Аттас с перепугу лавку не закрыл, тем лучше...

Он медленно направился к лавке. На полках громоздились блоки иностранных сигарет.

Он никогда не курил таких, но делать нечего. Вытащив пачку, он положил на стол деньги.

Закурил, сигарета показалась ему омерзительной; затянувшись напоследок, он растоптал окурок ногой.

Совсем близко прогремел четвертый взрыв.

И тут он вдруг обнаружил, что находится в гостинице «аль-Умара». Ему бы раньше и в голову не пришло, что он может сюда войти. Потом, увидев рвущиеся из какого-то

окна языки пламени, побежал, волоча раненую ногу. Букеты жасмина он положил на диван, схватил висевший в углу огнетушитель, направил струю пены в дверной проем охваченной огнем комнаты, и через несколько минут пожар был потушен. Он сидел на стуле посреди зала, почти ничего не понимая. Нос заложило: еще бы, наглотался дыма и гари. Он не помнил, сколько просидел в зале.

Не помнил, и все тут. Очнулся, лишь случайно заметив открытый сейф, внутри которого лежала пачка ассигнаций.

На мгновение он оцепенел и встал.

— Господи... Столько денег я в жизни не видел... Стой, не трогай. С тех пор как ты себя помнишь, ты всегда жил на свой заработок. Будь же честным до конца...

Плотно прикрыв дверцу сейфа, он сел рядом с букетами на диване.

Чудеса да и только. До войны в этом зале сиживали лишь большие люди... В такой ванной с блестящей дверью и стенами, выложенными розовой плиткой, могла мыться только Сухейр Мажди, прежде чем идти в постель с богачом.

Гостиницу потряс пятый взрыв.

— Объявись здесь сейчас владелец гостиницы господин Мамдух и увидь он меня на диване, решит небось, будто мир перевернулся. Да узнай он, что я спас гостиницу от пожара, все одно процедит сквозь зубы: «Ну, чего тебе надо? Посидел на диване — вот тебе и награда за труд». И ни словечка больше. Даже букета не купит...

Он спустился по лестнице... Ступенька за ступенькой...

За дверью пахло порохом.

Осмотрелся... Никого...

Да, трудно быть одному, хорошо бы в такой момент хоть с кем-то перемолвиться словом. Столик — за ним обычно сидел судебный писарь — стоит на прежнем месте. Ветер шевелит чистые листы, разбрасывает по столу, уносит по улице.

Продавец жасмина подошел поближе.

Светлые, в оправе из тонкой медной проволоки очки писаря валялись среди бумаг. Со страху очки позабыл надеть. Бывало, каждое утро сидит за этим столиком, очки сползают на нос.

Перед ним лежит газета — он вчитывался в каждую строчку. А остаток дня проводил в бесконечных разговорах с посетителями — все политика да война.

— И сколько разных имен он знал... Я и повторить-то их не смогу... Смешной он все-таки, этот писарь, вечно о бесстрашии толковал...

Сирена объявила отбой. Налет закончился, но только через час народ стал показываться из убежищ. Первыми появились санитары. За ними — люди из гражданской обороны. Они приехали на белых машинах, гордые в изящных своих шлемах.

— Перемирие объявили...

— Как так?

— Да вот так. И на долгий срок, а может и навсегда.

Продавец жасмина заткнул уши пальцами, и в тот же миг на набережной остановилась машина.

Пришлось вытащить пальцы и посторониться.

Выскочил шофер и открыл дверцу. Из машины вышел разодетый богач, а за ним — Сухейр Мажди. Платье в обтяжку подчеркивало все ее прелести.

Продавец жасмина почувствовал, как ее каблуки, словно иголки, впиваются в него. Он остолбенело следил за нею: вот она переходит набережную, направляясь к гостинице, поднимается по лестнице. В разрезе платья мелькали белые ноги.

«Нечего попусту терять время.— Он думал о том, что пора отказаться и в мыслях от несбыточных мечтаний.— Жасмин засыхает. Скоро совсем увянет... Не продам ничего, чем тогда кормить детей?»

Откуда-то издалека возник бьющий себя по щекам Мухаммед аль-Аттас.

— Люди! Из моей лавки все сигареты растащили!..

На балконе гостиницы показалась Сухейр Мажди. Она голосила, словно проповедник в экстазе:

— Украли! Украли все мои драгоценности!..

Рядом с нею стоял богач. От ярости лицо его почернело. Казалось, гнев, обуявший его, вошел через рот и, ища выход, застрял в ноздрах.

Тут господин Мамдух оттолкнул Сухейр Мажди в сторону, разорвал на себе рубашку и, заливаясь слезами, воскликнул:

— О горе! У меня из сейфа вытащили все деньги!

Отовсюду сбегались люди. Уставясь на балкон, они прислушивались к стенаньям стоявшей там троицы.

Но как же, как все это случилось?

Вопли Мухаммеда аль-Аттаса сотрясали стены домов:

— Люди! Кто же он, этот вор, следивший за нами и ограбивший нас, пока мы были в убежище?

Он поднял руку и ткнул пальцем в продавца жасмина:

— Во время налета по улицам ходил только он, он один...

И тут продавец жасмина увидел, как сотни глаз, оторвавшись от балкона, в упор глядят на него. Он все никак не мог взять в толк, о чем вопит аль-Аттас.

А поняв, едва не заплакал. Но, пересилив себя, сердито и громко крикнул:

— Я?! Да я оберегал ваши деньги, ваше добро... Нет, я не вор... Я продавец жасмина...

В толпе зашептались. А с балкона, точно с трибуны, кричал господин Мамдух:

— Есть честные продавцы жасмина! А есть и такие, что обчистят за милую душу!

Лицо продавца жасмина перекопилось от гнева:

— Неправда! Среди продавцов жасмина не было и нет воров! Да все ваши улицы гнилью пропахли, если б не запах жасмина, здесь бы от смрада не продохнуть.

Сухейр Мажди, поведя животом, повернулась, словно в танце, уперла руку в бедро и завизжала. Казалось, к точильному камню поднесли нож:

— Что?! Да как ты смеешь! Ведь это мои портреты украшали улицы! Слышишь! Они озаряли и облагораживали весь город.

Господин Мамдух повторил ее жест и интонации:

— Что?! Да это огни моей гостиницы озаряли улицу!

И тут-то подошли люди с толстой палкой и ударили ею продавца жасмина по голове...

Кровь брызнула из раны, хлынула из носа. Испустив пос-

ледный вздох, он рухнул наземь. На грудь его упали букеты жасмина.

Все вдруг исчезли. Богач и господин Мамдух улыбнулись. Сухейр Мажди, ухмыльнувшись, закрыла балконную дверь.

К похолодевшему телу подошел судебный писарь, втянул ноздрями воздух и с изумлением произнес:

— А ведь жасмин и впрямь хорошо пахнет...

Революционная песня

Под утро, когда звезды стали уже гаснуть, я сказал командиру отряда:

— Надо найти укрытие. Скоро рассвет, хорошо бы людям отдохнуть.

Командир промолчал, но сзади послышался голос Халида:

— Мужайся и будь терпеливее.

Отряд мерной поступью шел по разбросанным под ногами острым камням. Командир время от времени переключал из одной руки в другую автомат, поправляя висевший за спиной вещмешок. Я обернулся. Следом за мной шел Халид, за ним — остальные. Между мной и Халидом было не больше пяти метров, и когда я увидел его упрямые глаза, он улыбнулся, жестом показав: смотри, мол, вперед — наткнешься еще на скалу... Вдали показалась пещера, вход в нее заслоняли какие-то колючие растения. Раздался голос командира:

— День проведем здесь, в этой пещере.

Бойцы направились к укрытию. Халид стоял рядом с командиром и вошел в пещеру последним.

Он лег на землю недалеко от меня, вытащил пачку сигарет и закурил. Остальные ребята набросились на еду.

Я развязал вещмешок, вытащил банки с консервами и позвал Халида. Он молча показал на дымящуюся сигарету и, поблагодарив жестом за приглашение, отказался. В последний раз мы ели еще на базе, четырнадцать часов назад, задолго до начала операции. Тогда я пришел к нему, неся в руках наши порции.

Он что-то увлеченно писал, как всегда насвистывая грустную мелодию. Он вечно, даже в самые трудные минуты, напевал или

насвистывал что-то. Помню, один из ребят сказал, имея в виду эту его привычку:

— Халид подбирает мелодию для революционной песни.

— Что ты пишешь?— спросил я.

Он перестал свистеть, но не ответил.

— Небось завещание пишешь?— спросил я снова.

Покачивая головой, он отшутился:

— Я оставлю завещание в устной форме.

И продолжал писать, а я ждал, когда же он закончит и мы наконец поедим. Время шло, а он все писал. Я не выдержал и закричал на него:

— Ну что ты там строчишь?.. Письмо невесте?..

— Сейчас для этого нет времени,— улыбнулся он.

— Тогда что же?

Понизив голос, он ответил:

— Я оцениваю свои поступки.

— Что?!

Халид перестал писать и стал чертить пальцем на земле какие-то линии:

— Понимаешь... Занимаюсь самокритикой... В предыдущих операциях у меня были ошибки.

Помолчав немного, он вновь заговорил:

— Во время операции «Армия» я потерял автомат, а когда шла операция «Дорога в Лод», мина, которую я поставил, взорвалась раньше времени. Это больше не должно повторяться.

Раздался голос командира:

— Старайтесь поменьше курить и говорите потише.

Халид затушил сигарету. Бойцы устраивались спать. Командир, не поев, лег прямо на земле.

Когда я засыпал, Халид стоял в наряде, охраняя вход в пещеру.

Я проснулся оттого, что кто-то тряс меня за плечо. Это был Халид. Он подал мне фляжку:

— Умойся и выпей немного воды. Скоро начнем.

Перед выступлением Халид, сжав губы, что-то тихонько насвистывал.

Лейтенант повторил порядок операции и снова поставил задачу штурмовой группе и группе поддержки. Когда стемнело, командир взглянул на часы и сказал нам, что впереди еще три часа пешего пути.

Выйдя из пещеры, мы двинулись вперед. Вокруг стояла крошечная тьма, не видно было ни зги. Но мы шли в строю, сохраняя дистанцию в несколько шагов. У каждого в руках автомат, на спине — вещмешок с взрывчаткой. Шли мы все время в гору. Старались ступать очень осторожно. Любое неверное движение — и ты обрушишься в пропасть. Я как раз размышлял об этом, когда за моей спиной послышался какой-то шум и стук осыпающихся камней. Все сразу остановились.

— В чем дело? — тихо спросил командир.

В ответ раздался голос Халида:

— Я споткнулся о камень и упал в яму...

— Как ты себя чувствуешь? — встревоженно спросил командир.

В темноте голос Халида доносился словно бы ниоткуда:

— Все отлично...

Мы двинулись дальше. Выждав минуту-другую, я обернулся и спросил:

— Халид, ты действительно хорошо себя чувствуешь?

Притихший голос его походил на шепот:

— Ничего страшного. Брюки порвал и поцарапал ладонь...

— Отставить разговоры! — раздался резкий голос лейтенанта.

Мы замолчали. Не знаю почему, но мне показалось, что Халид, несмотря на боль, тихонько насвистывает сквозь плотно сжатые губы какую-то мелодию.

Наконец показался гребень горы. Перевалив через него, мы начали спуск. Вдруг вдали показались огни израильского лагеря. Подойдя к нам, командир отряда приказал:

— Приготовиться!

Отряд мгновенно разбился на две группы — штурмовую и группу поддержки.

Я снял рюкзак и вытащил из него мину. В мою задачу входило

ла установка мины на единственной ведущей к лагерю дороге. Халид должен был меня прикрывать.

Приготовившись, я услышал голос Халида:

— Ну, с богом...

Улыбнувшись ему, я пополз.

Установив мину, я пополз назад и в этот момент услышал гул ракет, которыми штурмовая группа начала обстреливать лагерь. Потом слышались отрывистые автоматные очереди, похожие на шум проливного дождя.

Неожиданно позади меня обнаружилась вражеская засада, раздались выстрелы. Стреляли по мне. Вокруг меня было совершенно открытое пространство. «Халид,— думал я,— прикроет меня и уничтожит засаду». Но он молчал. Злясь и досадуя, я быстро пополз дальше. Меня обстреливали все настойчивее.

«Эх, Халид,— думал я,— неужели ты не заставишь их заткнуться?»

В конце концов я решил подавить засаду гранатой. Раздался взрыв, и все смолкло.

Когда я подполз к Халиду, он лежал, обхватив голову руками.

— Ты что?!— я едва не кричал в голос.— Смерти моей захотел?

Рядом взорвалась граната. Он протянул мне руку и каким-то жестким и ломающимся голосом сказал:

— Пальцы онемели... Не могу их разжать... И стрелять не могу... Не могу...

Я вспомнил: час назад он упал в яму и поранил ладонь, и не сказал больше ни слова.

Штурмовая группа продолжала выполнять поставленную перед ней задачу. Халид был рядом со мной. Лицо его напряглось. Вдруг он топнул ногой и судорожно воскликнул:

— Почему в самый решающий момент у меня отнялись пальцы? Почему? Почему?

На дороге показались две бронемшины.

Первая напоролась на мину, и обломки ее взлетели в воздух. Вторая отошла назад, собираясь развернуться.

Халид сорвал с себя пояс с взрывчаткой, сунул мне автомат и быстро сказал:

— Отнесешь мой автомат на базу...

Выскочив из укрытия, он побежал в сторону отходившей бронемашины...

Через несколько минут раздался взрыв, к небу взметнулись языки пламени... Вместе с броневиком взорвался и Халид.

Товарищи из штурмовой группы, выполнив задачу, уже возвращались, а я все еще оцепенело стоял на месте... В пункте сбора я доложил обо всем командиру. Он наморщил лоб:

— Зря он это сделал... Но я понимаю, он больше не хотел никаких критических замечаний.

Мы возвращались молча. На моем плече висел автомат Халида.

Когда мы приблизились к базе, подул ветерок, из дула автомата послышался свист... И мне показалось, что Халид все еще с нами. Он стоял передо мной, сжав губы, и насвистывал революционную песню.

Содержание

5 *Игорь Беляев. Открытие Аравии*

8 *Наджран в час испытаний. Перевод В. Шагаля*

Рассказы

96 *Первый бой. Перевод В. Шагаля*

101 *Как погиб продавец жасмина. Перевод Г. Косача*

106 *Революционная песня. Перевод Г. Косача*

ЯХЬЯ ЯХЛЮФ

НАДЖРАН В ЧАС ИСПЫТАНИЙ

Ответственный за выпуск *В. Перехватов*

Редактор *М. Ткачев*

Обложка художника *В. Чернецова*

Художественный редактор *Л. Филиппова*

Технический редактор *Г. Голосовская*

Корректор *Л. Шмелева*

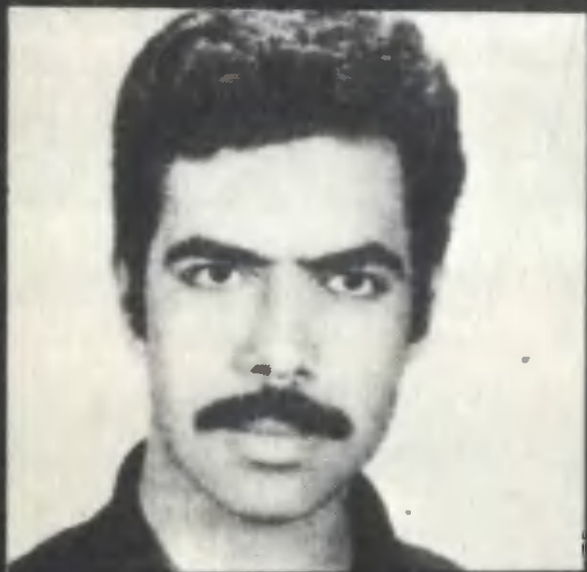
ИБ № 731

Сдано в набор 28.10.82. Подписано в печать 27.01.83. Формат 70×100/32. Бумага офсетная № 1. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Усл. печ. л. 4,55. Уч.-изд. л. 5,48. Тираж 50 000 экз. Зак. № 1015. Цена 65 к.

Издательство «Известия Советов народных депутатов СССР». 103791, Москва, Пушкинская пл., 5.

Можайский полиграфкомбинат Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.

Цена 65 коп.

ЯХЬЯ ЯХЛЮФ родился в 1944 году в городе Вифлееме на Западном берегу реки Иордан. Учитель по профессии, он в первой половине 60-х годов работал в школах Саудовской Аравии, в частности, в области Наджран, о которой пишет в своем романе. В настоящее время является генеральным секретарем Союза палестинских писателей и журналистов. Произведения Я. Яхлюфа посвящены трагической участи его соотечественников-палестинцев, изгнанных со своей земли, их борьбе, мужеству и стойкости. Проза Я. Яхлюфа, отличающаяся глубокой лиричностью и психологизмом, пользуется широкой популярностью у читателей многих арабских стран.